

Колтёв

Журнал
Весёлых
И любознательных

№ 6
июнь
1999

ISSN 0130-2574

Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

Александр Пушкин

«Хорошие стихи не так легко писать...»

А. С. Пушкин

Сборник
наших
читателей



В этот юбилейный пушкинский год во многих городах и поселках: в библиотеках, школах, домах творчества проходят конкурсы на самые достойные произведения, посвященные любимому поэту. Перед вами — лучшие строфы из присланных в редакцию стихотворений. Правда, среди них есть одно, которое автор написал не к этой дате — 200-летию со дня рождения Пушкина, а гораздо раньше. Оно как бы родилось естественным путем, по велению души. И было опубликовано на страницах «Костра» три года назад.

А название этой подборки стихотворений взято нами из первого опубликованного в журнале «Вестник Европы» стихотворения юного Пушкина в 1814 г. «К другу стихотворцу».



МОЙ ПУШКИН

С рождения поэта прошло уж двести лет.
О, Пушкин! Мы тебя ведь не забудем:
И твой огонь, и непогасший свет
Останется. Светить он вечно будет!

Я с детских лет уже знакома с ним.
Наш Пушкин сделал много для народа.
И поразил меня талантом он своим.
Прожил еще бы, ну хотя б немного...

Когда стихотворения читаю,
Все шире раскрываются глаза,
Как будто бы по строчкам я шагаю,
Как будто бы я знала их всегда!

Полина ОГАРКОВА, 12 лет,
Красноярский край, село Тенгинка



ЛИЦЕЙ

Его судьба, его стихи
Здесь только-только начинались.
Дни царскосельские тихи
Или шумны — в стихах остались.

Остались первая любовь
И дружба, что прекрасней нету!
Остались чувства — страсть и боль
В твореньях юного поэта.

Он был талантлив, как никто,
В учебе он не ведал скуки,
С ним были верные друзья,
Которым не страшны разлуки!

Для них его стихи звучали
Свободе гимном, он ее
Стал воспевать уже в начале
Пути в бессмертие свое!

Саша ЗАБОЕВ, 13 лет,
г. Сыктывкар

* * *

Вы не хотите прогуляться,
Войти на Мойку, дом 12,
Воображением своим
Представить Пушкина — живым?
Он дома был совсем не светский,
Особенно в любимой детской!
Влетал — и душу нараспашку! —
В охалку Сашку, Гришку, Машку
И крошку младшую — Наташку!

Любимое занятие Сашки
Вцепиться в папины кудряшки
И оседлать его верхом.
Все ходуном, все кувырком!
И как всегда, в разгар тот самый
Тихонечко входила мама...
Шум затихал, гасили свет,
А папа шел в свой кабинет.

Агафия ПОЛЫНЧУК, 9 лет,
Санкт-Петербург

В этом номере:

Читательский клуб «У костра»
К 110-летию А. А. Ахматовой
Ищу друга
«Преданья старины глубокой...»
«Среди святых воспоминаний...»
Уголок веселого архивариуса

Киновидео
Азбука интересных слов
«Салли, дочь пирата» повесть Ю Тенфьюрд
(окончание)

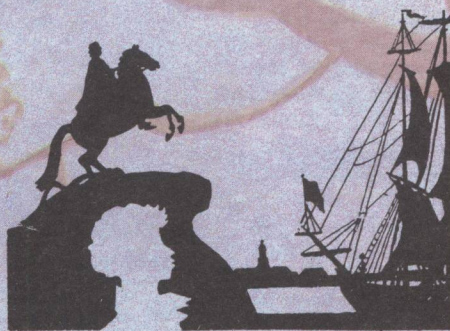
Веселый звонок
Имя Пушкинского дома...
Викторина-50
«Есть книга вечная любви...»
Из сказок Арины Родионовны

Великие открытия... XIX века
Музыкальный перекресток
Попробуй — реши!
Конкурс юных детективов
АРЧЕБЕК
Советы Маши-искусницы
«Однажды Борька Кириков...»
Праздники большие и маленькие

ЗА СТРАНИЦЕЙ СТРАНИЦУ...

В небе месяц лукавый
Скучает без сна.
За оконной оправой
Расплескалась весна.
Там за тюлью прозрачной,
Нарушая покой,
Бродит кто-то призрачный
Меж капелью шальной.
Не дает ей забыться,
Не пускает к ней сон,
И мне тоже не спится —
Рядом пушкинский том.
Я с Евгением вместе
Убегаю, боюсь,
С оглушающей песней
Наводненьем несусь.
А потом великаном
На могучем коне
В страшном хаосе рьяно
Скачу при луне.

Наташа ТЕРЕНТЬЕВА, 12 лет,
Санкт-Петербург



О ДУЭЛИ А. С. ПУШКИНА

О Боже! Миг — и все.
Насколько глупо это.
Сверкнуло раз огнем —
И нет в живых поэта!
Навеки унесла
Та пуля роковая,
От смерти не спасла
Поэзия святая.
Туман застыл в глазах,
И руки опустились...
Друзья, семья в слезах
С ним навсегда простились.
Весь мир у ног его:
Посмертное признание,
Не видит ничего —
Печально опозданье.
Ну почему ценить
Мы начинаем гений,
Спустя года, а жить
Он должен средь гонений?..

Наташа БОНДАРЕВА, 14 лет,
г. Павловск, Ленинградская обл.

Мне кажется, что я сумела б
В эпоху Пушкина пожить.
Ходила б на балы я смело
И перестала бы тужить...
Я злой кокеткой не была бы
И не губила бы сердца:
Я просто воздухом дышала б
В эпоху Гения. Творца.
О, Пушкин, было бы чудесно
Мне познакомиться с тобой:
Я постаралась бы при встрече
Предупредить тебя о той
Дуэли — страшной, роковой!
Но с Богом спорить не придется,
И в мир я возвращаюсь свой,
Но почему так сердце бьется
При расставании с тобой?

Динара КАМАЛИДИНОВА, 15 лет,
Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНИЕ ГРЕЗЫ

Не плачь, Наталья, не гляди
На силуэты за окном.
Его тревожить погоди —
Оставь его с его пером.
Он несколько напишет строк,
Как будто слышит голоса.
Он «лучше выдумать не мог»,
Чем то, что мир — твоя краса.
Лишь ты уснешь, и он скользнет
В угрюмый холод городской.
И в лунном свете обретет
Свой поэтический покой.
Его любовь к тебе везде,
Она частица от всего —
Она в земле, она в воде...
Пока ты плача ждешь его.
В тебе любовь давно мертва.
Она теперь живет во мне.
Не грелась ты в ее словах,
А я сгораю в их огне.

Ольга ПУЗЕНКО, 15 лет,
Санкт-Петербург



РИФМА

Искал я рифму
к слову Пушкин.
А получилась ерунда:
Лягушки, сушки и ватрушки —
Ну не годится куда!
Вдруг вспомнил слово я —
Поэт.
Ведь это же одно и то же.
К нему есть рифма —
солнца свет.
И лучшей рифмы
быть не может.

1996 г.

Владимир СЕРКОВ, тогда 12 лет,
пос. Тосно, Ленинградская обл.



В оформлении использованы силуэты петербургского художника Константина Егоровича СЕВАСТЬЯНОВА (1928—1989), долгое время рисовавшего для журнала «Костер».



Хотюков
Сергея



ЗАЧЕМ

НУЖНЫ

СТИХИ?

А может, и ты пишешь?

Я пробовала писать стихи, меня даже несколько раз печатали в районной газете.

К сожалению, не все понимают стихи и наслаждаются ими, на это тоже нужен талант.

Люба УТКИНА,
с. Анненск, Челябинская обл.

А для чего нужны картины, музыка? Люди могли бы спокойно прожить без всего этого, однако... Сама я не пишу, потому что не имею к этому таланта. А вот мой папа — он бизнесмен, но написал книжку стихов.

Поля МАНЖЕЛЕЙ,
Сочи

Мне кажется, что стихи нужны всегда и для всех, для любого поколения. В стихотворениях можно выразить свои чувства. Иногда в стихах можно высказать то, чего иначе не расскажешь. С их помощью мы развиваем свой язык и ум, приучаем себя с детства к культуре. Из стихов получаются песни или гимны. В стихотворениях Пушкина часто звучат исторические факты, о которых мы не можем узнать из учебников истории.



Я пишу очень редко, и мои стихи, скорее, для маленьких детей. А вот моя подруга Даша пишет вполне хорошие стихи, они очень красивы. И подходят для любого возраста. Но, к сожалению, Даша пишет очень редко. Обычно это случается, когда в ее жизни произойдет какое-нибудь важное событие. Я и моя подруга пишем стихи, чтобы излить на бумаге все чувства, накопившиеся в нас за долгое время, а потом не без гордости прочитать их своим друзьям и учителям. С помощью стихотворений мы показываем людям, насколько любим окружающий нас мир, высказываем свои мысли.

Маша ПОПОВА,
Сосногорск,
республика Коми

Стихи, я думаю, нужны — ведь это почти что основа мироздания. Да стихи иногда позволяют добиться решения почти что государственных вопросов.

Аня ТРУШКОВА,
Москва



Петров
Филипп

Рисунки детской художественной студии «Олимп» Дворца культуры им. Первой пятилетки, г. Санкт-Петербург. Руководитель БАХТИЯРОВА С. М.

Я знаю, что многие поэты, например, Марина Цветаева, писали стихи, когда им было очень плохо, стихи помогают и поэту, и читателю успокоиться, обрести присутствие духа.

К сожалению, я не пишу. Я убедилась на собственном опыте, что научиться писать стихи нельзя. Это талант от Бога.

Саша НИКОЛЬСКАЯ,
Петербург

Стихи Пушкина, как и другие, нужны для развития ума у детей. Я иногда сочиняю, так, для развлечения, иногда это просто частушки или четверостишия. А вообще я не люблю литературу, а в особенности учить стихи. И если честно, к разным юбилеям у меня радости никакой нет.

Таня ЧЕБОТКОВА,
пос. Горнякско-Восточный,
Белая Калитва

Во-первых, это красиво, во-вторых, это познавательно, а в-третьих, когда я читаю стихи, на душе становится приятно. Мне нравятся стихи и других писателей. Но мне кажется, лучше стихов Пушкина нет. Лучше лучших не бывает.

С моими подругами Наташей и Юлей мы очень любим играть в игру, смысл которой заключается в следующем: игроки выбирают тему и на эту тему говорят каждый по два-три слова и за пять минут должны сочинить стихи. Кайф от написания стихов в том, что когда пишешь, больше ни о чем не думаешь, устремляешь свои мысли на создание стихотворения.



Рисунки «Пушкин и поэт №» и «Всадник» из альбома Колтушской дизайн-студии «Яблоко». Руководитель Ключиш И. В.

Я думаю, этот юбилей очень нужен хотя бы ради того, чтобы нынешнее поколение не забывало такого замечательного человека, как Александр Сергеевич Пушкин.

Марина,
Ртищево

Я стихи не очень люблю, но бывают и красивые, и смешные, и сочувственные. Мое любимое — это «Трамвайчик» Сергея Ивкина. Вообще-то стихи нужны. Для того, к примеру, чтобы узнать, как жили раньше, то есть для истории.

Аня,
Екатеринбург

Несомненно нужны, для души. В каждом стихотворении человек находит какой-то потаенный смысл, он начинает видеть мир в другом свете, если этот смысл приемлем для него.

Для меня стихи являются своего рода маяком в море жизни.

Оля ТИМОШЕНКО,
х. Журавка,
Волгоградская обл.

Стихи помогают в трудную минуту, учат любить нашу Родину, ее богатую природу, ценить красоту родного языка. Читая их, мы с особой силой осознаем все хорошее и плохое в жизни и поведении людей.

К стихам Пушкина мы обращаемся, когда хотим сильнее ощутить свою любовь к родному краю, к Родине, и тогда, когда просто хотим насладиться совершенным стихом и правдивым, проникновенным изображением жизни. Все написанное Пушкиным остается с нами на всю жизнь.

Таня МИКЛЯЕВА,
Гамалеевка,
Оренбургская обл.

К 110-летию со дня рождения Анны Андреевны АХМАТОВОЙ (1889–1966)

«Мои первые воспоминания — царскосельские...»

Так написала Анна Ахматова в автобиографии, особенно отметив «зеленое, сырое великолепие парков». Здесь листва тенистых деревьев шепчет Пушкинские строки, и сам поэт в мундире лицеиста с книгой в руках вдруг появляется виденьем в конце аллеи.

«Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни».

Точные детали этого небольшого стихотворения — треуголка — головной убор воспитанников Лицея, и стихи французского поэта Парни, которым увлекался Пушкин, показывают, насколько подробно уже тогда, в 1911 году, Анна Ахматова знала жизнь поэта.

Да, детство и начало юношеских лет, прошедшие в гимназии Царского Села, где все дышало поэзией, определили и ее путь как поэта.

В ее творчестве слилась гармония царскосельской природы с классической строгостью стиха, а увлеченность поэзией Пушкина переросла в желание знать о поэте как можно больше. Анна Ахматова могла прочесть наизусть все пушкинские стихи. Все! И пьесы, и письма. И не потому что специально учила-заучивала. Это было естественно, как общение с близким, любимым человеком, с которым видишься каждый день. Томик Пушкина, куда бы ни ехала Ахматова, как и Библия, всегда были с ней.

Позже она как истый литературовед занялась изучением жизни и творчества поэта и сделала несколько открытий в пушкиноведении. Так, большинство сказок написаны Пушкиным под впечатлением рассказанного Ариной Родионовной. А вот «Сказка о золотом петушке» имеет другие источники. И тому есть доказательства.

Работа — исследование жизни и творчества великого поэта — продолжалась многие годы. В конце своей жизни Анна Ахматова опубликовала свое «Слово о Пушкине», где, касаясь представителей высшего света, ненавидевшего и травившего поэта, очень точно заметила: «Теперь настало время... сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними».

Из «Слова о Пушкине»

«Вся эпоха... мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в карточках и именных указателях... пушкинских изданий. Он победил и время и пространство.

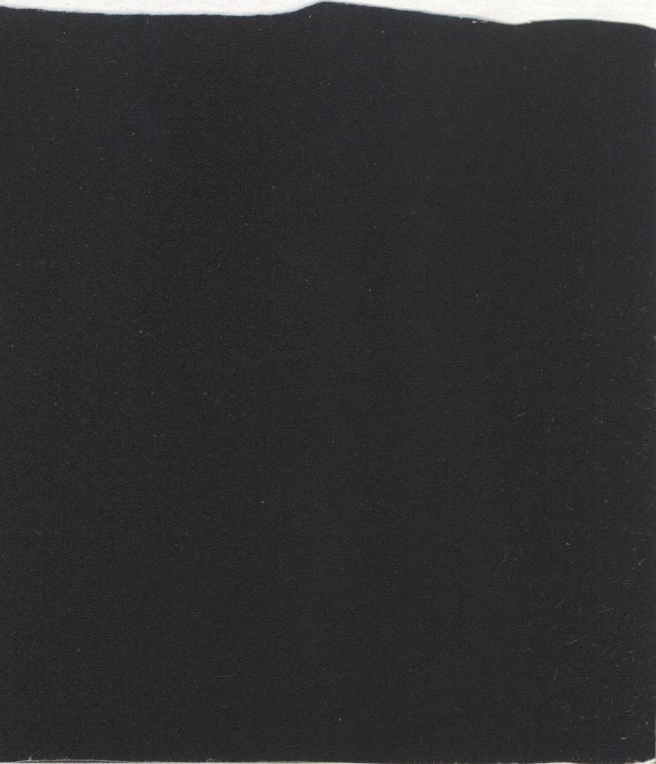


Рис. Г. Ежкова

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны отсюда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин, или здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное, — они могли бы услышать от поэта:

*За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать.*

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный аеге perennius*».

* ...aegae perennius (лат. крепче меди). Ахматова цитирует оду Горация «Ehесi monumentum» — «Я памятник воздвиг...». Эти слова Горация послужили эпиграфом к пушкинскому стихотворению «Я памятник воздвиг...»



ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ:

— плести из бисера, читать, рисовать.
Катя ФЕДОРОВА (пишите мне, девочки от 9 до 11 лет).
399670, Липецкая обл., с. Красное,
ул. Газовиков, 9—73;

— тренироваться в секциях бокса и тяжелой атлетики, слушать современную музыку — любимая группа «Металлика», кататься на велосипеде и роликах. Руслан КРИЦКИЙ (13 лет).
353272, Горячий Ключ, ул. Тельмана, 35/а;

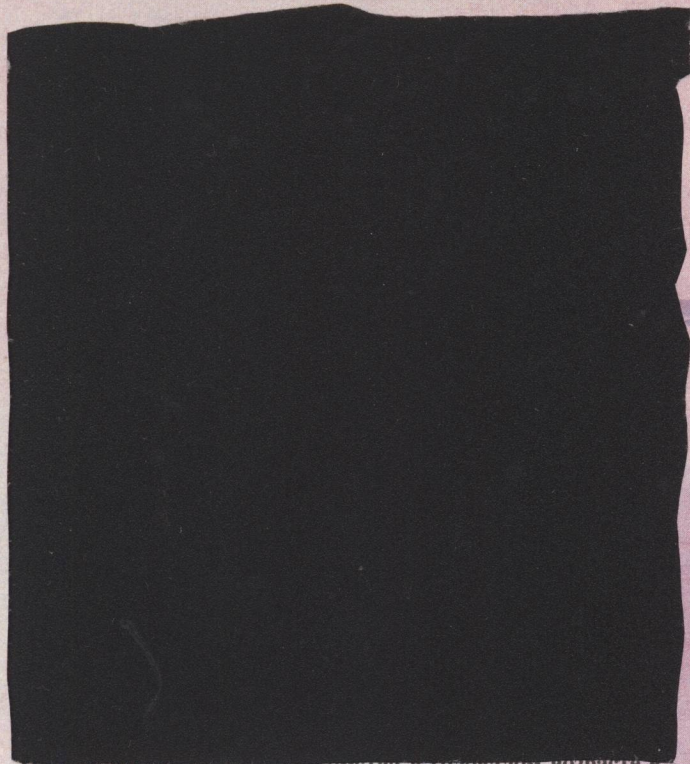
— играть в волейбол и баскетбол. Жду писем от девочек, которые будут присылать мне анкеты и кроссворды. Яна АНИКИНА (13 лет).
633167, НСО, Колыванский р-он, с. Новотырышкино, ул. Новая, 3—1;

— ходить в танцевальный кружок, а дома — шить мягкие игрушки. Надя ЗУБАРЕВА (12 лет).

412224, Саратовская обл., Аркадакский р-он, с. Ивановка;

— зимой любим кататься на коньках и на лыжах, а летом играть в пионербол и салки. Слушать песни «Отпетых мошенников», Натали, Пануровой и «Иванушек». Лена и Ира (по 10 лет).

446824, Самарская обл., Елховский р-он, с. Березовка. КУПЦОВОЙ Ирине.



Пушкина привезли для знакомства в годовалом возрасте в 1800 году, за несколько месяцев до смерти Ивана. Со вторым сыном Ганнибала — Петром, умершим в 1826 году, поэт встречался неоднократно. Беседы с ним были весьма интересны, Пушкин много узнал о своей африканской родне.

Но каким образом в жилах исконных российских дворян могла появиться африканская арапская кровь? Вероятно, этому должна была предшествовать какая-то загадочная драматическая история. Дадим слово самому Пушкину, живо интересовавшемуся своими предками. Он мог расспрашивать стариков, свою бабушку — жену одного из сыновей Ганнибала, умершую в 1818 году. Мог пользоваться «семейственными преданиями». Кое-что могла рассказать ему его няня — Арина Родионовна, ей было 23 года, когда умер прадед. Родители Пушкина от разговоров на эту тему почему-то уходили.

В 1826 году Пушкин пишет пространное примечание к первой главе «Евгения Онегина». Сообщает в нем, что со стороны матери он происхождения африканского. Будущий прадед его, Ибрагим, родился в Эфиопии на берегу Красного моря. Ибрагим был самым младшим из 19 братьев — сыновей одного из могущественных, богатых и влиятельных Абиссинских князьков. На восьмом году жизни мальчика похищают и привозят в Стамбул — ко двору турецкого султана. В ту пору верховному повелителю всех мусульман привозили детей самых знатных фамилий. Похищенные дети становились заложниками, которых убивали или продавали, если их родители «плохо себя вели».

В 1703 году Ибрагим оказался в столице Турции. А год спустя его снова похищают — по приказу русского посла в Стамбуле Петра Андреевича Толстого. Любопытно, что этот Толстой — прадед великого Льва Толстого. Разумеется, все это делалось тайно по приказу царя Петра и для самого Петра. Со всеми предосторожностями мальчика везут по суше через Балканы, Молдавию и Украину. Этот путь казался безопаснее морского пути через Черное и Азовское моря: там турки могли настичь беглецов.

Петр не только ради забавы послал секретную инструкцию — «добыть негретенку получше и искуснее». Он хотел доказать, что темнокожие арапча к наукам и делам не менее способны, чем многие упрямые русские не-



доросли. Иначе говоря, тут была цель воспитательная. В то время негры считались дикими людьми. Царь Петр ломал предрассудки и обычаи, он «ценил головы по способностям, а руки по умению создавать вещи, а не по цвету кожи!»

Прибыл Ибрагим в Москву 13 ноября 1704 года. По дороге он впервые в жизни увидел снег. Далее Пушкин пишет: «Государь крестил мальчика Ибрагима в 1707 году и дал ему фамилию Ганнибал. При крещении был он называем Петром. Но так как Ибрагим плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти его называли Абрамом». (Это созвучно с Ибрагимом.) А по отчеству он именовался Петровичем — в честь Петра. Так появился в России Абрам Петрович Ганнибал. Знаменитый Арап Петра Великого.

Старший брат Ибрагима приезжал из Абиссинии в Петербург и предлагал царю Петру выкуп за похищенного мальчика. Но Петр оставил при себе своего любимого крестника. До 1716 года Ганнибал неотлучно находился



при особе государя, спал в его токальне, сопровождал его во всех походах. Но до глубокой старости Ибрагим помнил Африку, роскошную жизнь отца, 18 братьев, которых водили к отцу со связанными за спиной руками, чтобы они «не приучались посягать на власть отца». А ему — единственному свободному — разрешалось плавать под фонтанами отеческого дома. Помнил он также любимую сестру свою Лагань, плывущую в слезах за кораблем, на котором увозили его из Абиссинии.

В 1717 году царь Петр со свитой, где был и арап, посетил Францию. Знакомились они там с ее науками, искусством, полководцами и самим королем Людовиком XV, который вступил на престол пятилетним и уже второй год правил страной. Об этой встрече Петр забавно пишет императрице Екатерине I: «...Объявляю Вам, что в прошлый понедельник посетил меня здешний королевич, который пальца на два более Луки, карлика нашего, дитя зело изрядное образом и станом и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет».

Ибрагим Ганнибал был оставлен для учения в Париже. Царь многого от него ожидал. Он лично рекомендовал Ибрагима герцогу Де Мену, родственнику короля и начальнику всей французской артиллерии. В Париже Ибрагим обучался в военном училище, и был выпущен из него капитаном артиллерии. Затем вступил во французскую армию. Во время Испанской войны отличился на фронте, но был тяжело ранен в голову и возвратился в Париж. И как пишет Пушкин, «долгое время жил в рассеянии большого света». Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганнибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами.

Парижская жизнь увлекла Ибрагима. Появление его в Париже, наружность, природный ум и образование (он знал четыре языка) возбудили всеобщее внимание. Его приглашали на веселые вечера, он присутствовал на многих ужинах. И, наконец, молодой офицер влюбился в графиню, которая славилась своей красотой. Как пишет Александр Сергеевич, «графиня мало-помалу привыкла к наружности молодого негра. Ей нравилась его курчавая голова, черневшая среди напудренных париков. Ибрагим не носил парика из-за раны на голове».

Петр I написал письмо своему любимцу, что «неволять его не намерен и предоставляет его доброй воле — возвратиться в Россию или остаться во Франции. Но, что во всяком случае, он никогда не оставит своего питомца». Растроганный Ганнибал немедленно вернулся в Петербург. Государь пожаловал Ганнибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитаном-лейтенантом. Было это в 1722 году.

Через три года умирает царь Петр. После его смерти судьба Ганнибала переменилась. С 1730 года страной правит Анна Иоанновна. Вместе с фаворитом своим Бироном она нагоняет страху казнями, пытками, ссылками. Историки пишут: «Лихие ветры качали великую страну, забирала тысячи жизней, возводили и низвергали веселых фаворитов». Свирепо обрушивались они и на пушкинского прадеда. В записках Пушкина мы читаем: «Меншиков нашел способ удалить его со двора. Ганнибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с поручением измерить Китайскую стену». Серьезных поручений ему не давали — о «Китайской стене» Пушкин пишет иронически. Но известно, что и в Сибири опытный и добросовестный инженер Ганнибал возводил отличные укрепления.

Узнав о падении Меншикова, он самовольно в конце 1730 года возвращается в Петербург. Там его чудом спасает фельдмаршал Миних, и тайно отправляет его в Ревельскую деревню — в тридцати километрах от нынешнего Таллина, где, как пишет Пушкин, «он жил в поминутном ожидании ареста». Тем не менее, Ибрагим Ганнибал по-

ступает там на службу и два года преподает в гарнизонной школе в крепости Пернов, то есть в Пярну. А затем он семь лет просидел в деревне.

За это время Ганнибал успел два раза жениться. В первый раз в 1731 году — неудачно. Всего через несколько месяцев он развелся с красавицей гречанкой Евдокией Диопер, которая родила ему дочь Поликсену. Вторая жена его, немка Христина Регина фон Шаберх, вышла за него замуж в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему одиннадцать детей.

О дальнейшей судьбе Ибрагима Ганнибала мы снова узнаем из записей Александра Сергеевича: «Когда императрица Елизавета взошла в 1741 году на престол, Ганнибал написал ей евангельские слова: «Помни мя егда приидеши в царствие свое!». Елизавета тотчас же призвала его ко двору, произвела в бригадиры и вскоре потом в генерал-майоры и, наконец, в генерал-аншефы. Пожаловала ему десяток деревень в Псковской и Петербургской губерниях. В первой — Зуево (это нынешнее село Михайловское), Бор и Петровское. И во второй — Суйду, Кобриню и Тайцы. И также деревню Раголу, близ Ревеля». Лет через 80 некоторые из них станут Пушкинскими местами.

При Елизавете Ибрагим Ганнибал — главнейшая персона империи. Он один из руководителей инженерного корпуса. Все фортификационные работы в Кронштадтской, Рижской, Перновской, Петропавловской и других крепостях производятся «по его рассуждению». С 1756 года он генерал-инженер, то есть главный инженер страны. Привоенный ему чин генерал-аншефа в 1759 году связан именно с этой деятельностью. Он строит кронштадтские доки, сибирские крепости, тверские каналы и эстонские порты. Его абсолютная честность, добросовестность и бескомпромиссность особенно проявились при Елизавете Петровне. Пушкин писал о нем: «Он усерден, неподкупен и не раб».

И, все-таки, в июне 1762 года, уже при Петре III, Ганнибал, полный сил, внезапно уходит в преждевременную отставку. Появившиеся фавориты и выскочки пытались говорить с ним свысока, и даже кричать на него. Но не такого нрава он был человек, чтобы это стерпеть! Кроме построения каналов, домов, крепостей, Ганнибал особенно хорошо умел делать еще одно дело — ссориться с начальством. Он не желал «заседать», ему охота была «дело делать»!

Выйдя в отставку, Ганнибал поселяется в своей мызе в Суйде. Прожил он там два десятка лет в тишине и покое со своей женой Христиной, которая была не только любима, но и пользовалась уважением своенравного мужа. Александр Сергеевич пишет о своем прадеде:

«В деревне, где Петра питомец
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
Пирь и пышные обеды
Под тенью липовых аллей,
Он думал в охлажденьи леты
О дальней Африке своей».

Ганнибалу 85 лет, пережил он семь императоров и императриц. Уже сделано завещательное распоряжение: 1400 крепостных душ, множество деревень, подаренных государыней и приобретенных им самим, и 60 000 рублей разделяются между наследниками. Умер Ибрагим Ганнибал 20 апреля 1781 года, похоронен в Суйде, возле Воскресенской церкви, рядом с женой Христиной, умершей за два месяца до него.

Историки пишут о нем: «Он никогда не узнал, что 18 лет спустя в его роду появится ребенок, который поведет за собой в бессмертье и потомков, и друзей, и предков».

И. МЕТТЕР



«СРЕДИ СВЯТЫХ ВОСПОМИНАНИЙ...»

«Края Москвы, края родные...»

Плывет над Москвой колокольный звон, горят на солнце золотые купола. Торопится народ в церковь, — день Вознесения, 26 мая 1799 года. Тогда еще никто не знал, что этот день на долгие годы станет настоящим народным праздником — днем рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Впоследствии он сам говаривал, что все важнейшие события его жизни были связаны с Вознесением: рождение, помолвка в день Вознесения, венчание в церкви Вознесения в Москве на Никитской улице. Может быть, в этом был знак самой судьбы? Ведь в жизни гения случайностей не бывает...

«Мы их обязаны ласкать,
любить, душевно уважать...»

В это трудно поверить, но Пушкин, которого в Лицее за живость характера будут называть «Егоза», лет до семи был малоподвижным, неуклюжим увальнем.



— Александр опять сидит сиднем безо всякого движения, как Илья-Муромец, — досадливо морщился отец мальчика Сергей Львович.

Ему, блестяще образованному, увлеченному театром, литературой, поэзией, поведение сына казалось странным и неестественным.

Мать Александра, Надежда Осиповна, прозванная в свете «Прекрасной креолкой» за своеобразную внешность и вспыльчивый характер, унаследованный от деда — Арапа Петра Великого, тоже с трудом скрывала не-

«Жизнь замечательных детей...»

довольство и раздражение. Она пыталась растормошить маленького увальня, силой заставляя его гулять и бегать. Такие принудительные прогулки были для мальчика сухим мучением. Он едва поспевал за стремительно идущей матерью. Раз он так устал, что сел прямо в пыль посреди дороги. Какая-то дама стала над ним смеяться, на что мальчик довольно грубо ответил: «Ну, нечего скалить зубы!» И тут же увидел раскрасневшееся от гнева лицо матери и ее грозно сведенные брови...



Александр рано начал понимать, что его не любят. Старшая сестра Ольга, младший брат Левушка — мама не чаяла в них души, баловала, ласкала. Он же самому себе казался чужим и не нужным.

«Человек без детства», — так скажут о Пушкине его биографы. И только потому, что сам он не любил вспоминать семью и родителей. Но без детства не бывает человека. И даже неприятности в детстве чему-то учат. Как знать, может, Александр и не был «увальнем», просто он ждал — ждал любви. Вот сейчас мама подойдет к нему, наклонится, поцелует. Он учился — учился терпению, учился быть довольным тем, что у него есть, учился искать и находить опору только в самом себе.

«Наперсница волшебной старинь...»

Александр рано начал мечтать. Особенно нравились ему вечера, когда няня Арина «в чепце, в старинном одеянье» подходила к его кровати, осеняла крестом, садилась неподалеку и... начинались волшебные сказки о мертвой царевне, о сварливой старухе, о бочке, медленно плывущей по волнам к острову Буяну. Сколько сказок знала Арина Родионовна, сколько народных примет, поговорок! Няня была простой дворовой крестьянкой. Давно уже ей дали вольную, но она решила остаться в господском доме и посвятить себя заботе о детях.

— Друг сердечный, что же ты не спишь? — спрашивала она с тревогой, склоняясь над маленьким Александром.

— Не могу спать, няня, я стихи сочиняю, — доверчиво шептал мальчик, глядя в ее добрые глаза.

Позднее все сказки, услышанные от няни, Пушкин превратил в пре-



красные стихи, которые с любовью будут читать многие поколения детей и слышать сквозь строки тихий голос Арины Родионовны. А няня Арина всегда будет ждать повзрослевшего Александра и напишет ему с трогательной заботой в одном из писем: «Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю...» И он всегда знал, что его любят — искренне, бескорыстно, верно.

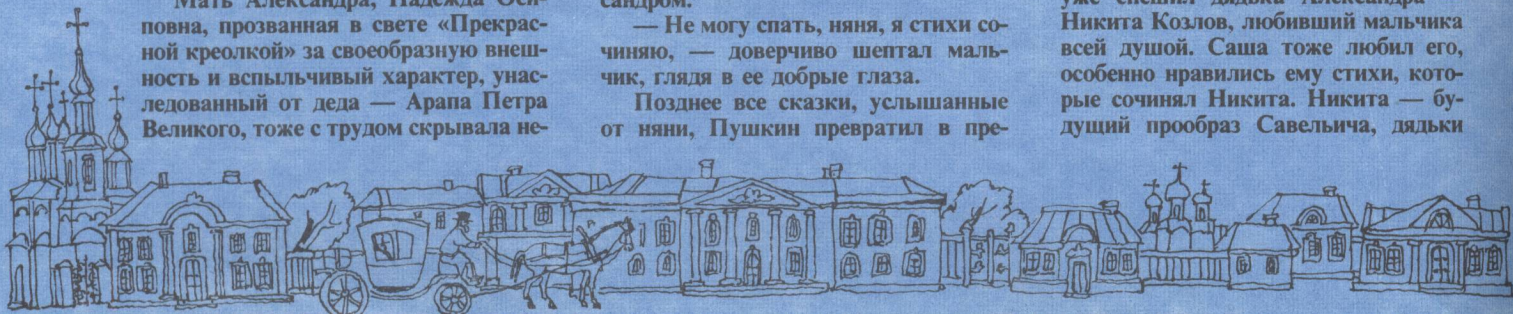
«Мне видится мое селенье,
мое Захарово...»

Летом Пушкины всей семьей перебирались к бабушке Марье Алексеевне Ганнибал, в подмосковное село Захарово. Начиналось сказочное, волшебное время. Целыми днями можно было играть с деревенскими мальчишками, запускать змея, сражаться с выросшими в человеческий рост лопухами, бегать взапуски. А еще — смотреть на девические хороводы, слушать песни. А потом бабушкин повар Александр Фролов брал его за руку, и они шли в соседнее село Вяземы, посмотреть на старинную церковь, построенную еще при Борисе Годунове. Все ее стены были испещрены надписями на латинском и польском языках. А под ним стояли даты: 1611, 1618, 1620.

— Бабушка говорит, здесь в Смутное время останавливался Дмитрий Самозванец. И прекрасная Марина Мнишек, когда ехала в Москву, — задумчиво разглядывал надписи Александр.

— Бабушку надо слушать, она правду говорит, — весело улыбался повар.

Тогда еще никто не знал, что этот балагур и весельчак убежит в Польшу и станет там «паном Мартыном Колесницким». И уж никто не догадывался, что поэт Пушкин спишет с него образ Гришки Отрепьева в своей трагедии «Борис Годунов». Во времена того лета они были просто друзьями. И маленький Александр доверил взрослому тезке свою тайную мечту: «Знаешь, я хочу, чтобы меня когда-нибудь похоронили здесь, в этой березовой роще...» Повар не успел ничего ответить, потому что навстречу им уже спешил дядька Александр — Никита Козлов, любивший мальчика всей душой. Саша тоже любил его, особенно нравились ему стихи, которые сочинял Никита. Никита — будущий прообраз Савельича, дядьки



недоросля Петруши Гринева из другого произведения Пушкина.

— Пора, барин, бабушка зовет! — поторопил воспитанника Никита. И Александр весело и резво бросился бежать по заросшей травой тропке. Он не был больше увальнем, наоборот, живость так и горела в нем.



«Ах, умолчу ль о мамушке моей...»

Бабушка любила Александра со всей нежностью своей души. Зимними вечерами он, когда был еще совсем малышом, забирался в ее корзинку с рукоделием и слушал рассказы о дворянском роде Пушкиных, о прадеде Ганнибале. Бабушка выучила внука читать и писать по-русски. Летом она водила его по самым красивым местам Захарова и живо рассказывала о Самозванце, о снежной крепости, которую тот построил под Вяземами и взял штурмом. «Вот так я возьму Азов!» — хвастался Лжедмитрий. Мальчик ловил каждое слово, жадно запоминая образы, которые рисовало его пылкое воображение. Его замечательные предки, история русского народа — все это, благодаря бабушке, становилось близким и понятным. В Лицее Александр нередко вспоминал Марию Алексеевну — с любовью и благодарностью. А бабушка часто писала внуку, и чуткий Дельвиг приходил в восторг от ее умных писем, написанных настоящим русским языком.

— Повезло тебе, Александр, — завидовал он, складывая письмо назад в конверт.

«Порой ленив, порой упрям...»

Когда лето заканчивалось и семья возвращалась назад в Москву, начинались учебные дни. В доме появлялись гувернеры, преподаватели — все иностранцы. Они часто менялись, поэтому учеба шла довольно беспорядочно. Впрочем, Александра это не удручало — учиться он не любил. Но французский язык, на котором говорили дома, без особого труда усвоил в совершенстве. Уроков же никогда не учил, полагаясь на блестящую па-

мять. Доводилось и хитрить: обычно его спрашивали после сестры Ольги, поэтому он бойко повторял за ней услышанное. Хуже дела обстояли с арифметикой. Александру частенько приходилось проливать над примерами горькие слезы. Особенно не давалось ему деление. Тогда же начались ссоры с одним из гувернеров — Александр писал стихи, а учитель считал это занятие «вздором». Увы, став взрослым, Александр Пушкин не раз будет сталкиваться с подобным отношением: главное — служба, политика, а «стишки» — вздор, чепуха.

В то время Александр был увлечен театром. Сам писал комедии, басни на французском языке. В десять лет стал автором героико-комической поэмы в шести песнях о войне карликов и карлиц.

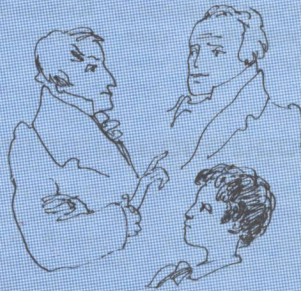
— Посмотрите, чем этот ребенок занимается на уроках, — сказала гувернантка, нашедшая произведение юного автора.

Учитель, изучив тетрадь, расхохотался. Оскорбленный поэт в порыве негодования бросил свое произведение в горящую печь.

Только сестра Ольга понимала его. Вместе они играли, вместе ставили комические Александром пьесы. Раз Ольга поймала брата на явном плагиате — использовании чужих строк, не им написанных. Пушкин только рассмеялся и тут же сочинил на французском эпиграмму на самого себя:

«Скажи, за что "Похититель" Освистан партером?»

— Увы, за то, что бедняга сочинитель Похитил его у Мольера!»



«Вы дядя мне и на Парнасе»

В доме Пушкиных всегда звучали стихи. «Три Пушкина в Москве, и все они поэты», — писал Батюшков. Это об отце Александра, о дяде Василии Львовиче и о родственнике Алексее Михайловиче. Настоящий же поэт тогда еще только подрастал. В гостиной отца часто собирались литераторы Дмитриев, Карамзин, Жуковский. Они декламировали свои стихи, отец, наизусть знавший всего Мольера, разыгрывал пьесы. Маленький Саша часто пробирался на такие литературные собрания, и прижавшись к креслам, с восхищением впитывал в себя

музыку поэзии. Иногда он восторженно вскрикивал, тогда мама хмурилась и делала ему знак покинуть гостиную. Отец же с удовольствием замечал, что для своих лет сын понимает чрезвычайно много. Как-то раз, правда, мальчик продемонстрировал чисто отцовскую любовь к каламбуру. Литератор Дмитриев, рябой лицом, нелестно отозвался о внешности Александра: «Смотрите, какой арабчик!» И тут же получил бойкий ответ ребенка: «Зато не рябчик!» Дмитриев рассмеялся, а Сергей Львович смутился: что выйдет из этого сорванца?

Василий Львович, признанный поэт, «парнасский дядя» Александра, читая стихи своего маленького племянника, прочил ему литературную судьбу. Позднее сам Пушкин так писал своему брату Льву: «Если ты в родню, так ты литератор». О способностях Александра говорили тогда многие взрослые. Раз кто-то из гостей нарочито высокопарно прочел стихи юного поэта. Мальчик вспыхнул и убежал. Учитель нашел его в библиотеке.

— Поверите ли, этот господин меня так сильно озадачил, что я не понимаю даже книжных затылков, — признался мальчик, глядя на корешки книг.

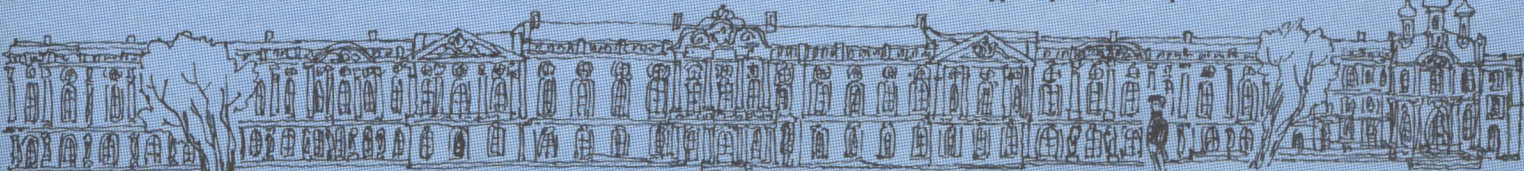
«Этот ребенок начал понимать все чрезвычайно рано, — заметил учитель. — Его ждет блестящая будущность». А Саша подолгу оставался в библиотеке и, усевшись с ногами в отцовское кресло, читал. Книжки были его страстью. Даже ночами он пробирался в заветную библиотеку, чтобы «проглотить» еще одну книгу. «Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы не слышали, и все, что читал, помнил», — напишет о своем друге лиценст Иван Пушкин...

Кончилось московское детство и отрочество, впереди у двенадцатилетнего Александра — новая школа с необычным названием Лицей, первая любовь, первая дружба, первые литературные успехи. И первая слава, которая будет расти, крепнуть и не умолкнет уже никогда.

«И мы пришли, и встретил нас Куницын...»

Речь на открытии Лицея 19 октября 1811 года держал профессор Куницын. «Любовь к славе и отечеству должны быть вашими руководителями», — так обратился он к 30 студентам, к будущим «столпам Отечества». И начались годы славного лицейского братства, описанные во многих книгах самыми разными авторами.

Скоро любовь к Отечеству стала для лиценстов живым понятием. В 1812 году над Россией грянула «гроза двенадцатого года» — война с Наполеоном. Пушкин, его друг Пущин и Малиновский задумали побег — бить французов, подобранных к Москве.





Уже уложены вещи, уже выработан план прохода через французские патрули, но... их поймали и вернули в «родные пенаты». Позднее Пушкин напишет: «И в сень наук с досадой возвращались, завидуя тому, кто умирать шел мимо нас...» Оставалось только мчаться после уроков в газетную комнату, и там жадно ловить новости: как там наши, проходившие мимо стен Лицея на войну? Но вот настает день, когда торжественный директор говорит: «Друзья мои! Сегодня, в первую годовщину нашего Лицея, получено долгожданное сообщение: Наполеон покинул Москву!» Последние слова потонули во всеобщем ликовании. А через два года война закончилась совсем.

Лицейсты же за это время выдержали свой первый бой — с инспектором по нравственной части Пилецким, который следил за каждым шагом воспитанников. На одном из уроков он отобрал бумаги Дельвига и унес с собой.

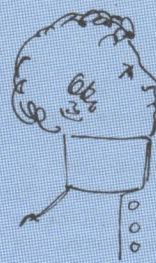
— Что же это? — вскричал Пушкин. — Так он и письма наши начнет скрывать?

Лицейсты, собравшиеся группкой, пошли к директору, поставив жесткий ультиматум. Или Пилецкий покидает Лицей, или все они, как один, навсегда уходят из этих стен. На успех никто не рассчитывал да и не думал: просто никто не мог сдержать негодования. Пилецкий же неожиданно собрался и уехал из Лицея — навсегда.

Случались, конечно, и нелепые происшествия. Так Кюхля, на которого Пушкин собрал и собственноручно выпустил целый сборник эпиграмм, побежал топиться в пруд. Он был высок, и вода в пруду едва дошла ему до колена. Тогда он лег лицом



вниз, по воде пошли пузыри. Кюхельбекера вытащили, привели в чувство, успокоили. Все примирились, но эпиграммы на него в лицейских рукописных журналах «Юные пловцы» и «Лицейский мудрец» появляться не перестали. А за одну такую эпиграмму друзья Пушкин и Кюхельбекер, уже взрослые, даже стрелялись на дуэли.



Не менее нелепое происшествие случилось и тогда, когда Пушкин предложил варить «гоголь-моголь». С великим трудом удалось достать бутылку рома, сахар, яичные желтки. Напиток оказался столь крепким, а веселье лицейстов столь бурным, что воспитатели заметили эту небезобидную проделку и едва не исключили зачинщиков из Лицея. Пушкин после этого «праздника» заболел, товарищи навещали его в лазарете, а он читал им свои новые стихи, которые не переставал писать все лицейские годы. Уже тогда было ясно, что он — поэт. «Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел», — так скажет он о себе в 1816 году.

Свои стихи Александр Пушкин читал и на экзамене при самом Державине. Старик растрогался, хотел обнять нового поэта, но мальчик убежал. В тот же день на обеде у министра просвещения Разумовского состоялся такой разговор:

— Я хотел бы образовать вашего сына в прозе, — сказал Разумовский Сергею Львовичу Пушкину.

— Оставьте его поэтом! — горячо вмешался Державин.

И Пушкин остался поэтом — навсегда. Самым лучшим поэтом, без которого немыслима ни русская литература, ни сама Россия, ни жизнь любого человека, говорящего по-русски.

Н. ЖУЛАНОВА

Рис. В. Иванова



О ПУШКИНЕ рассказывают:

Кто-то, желая смутить Пушкина, спросил его в обществе:

— Какое сходство между мной и солнцем?

Поэт быстро нашелся:

— Ни на вас, ни на солнце нельзя взглянуть, не поморщившись.



Одно время Пушкин очень нуждался в деньгах, а скорого получения их не предвиделось, поэтому поэт был не в духе. Вдруг является какой-то немец-сапожник и требует видеть Пушкина по срочному делу. Разсерженный поэт выходит и резко спрашивает:

— Что нужно?

— Я к Вам, господин Пушкин, пришел купить Ваш товар, — ответил немец.

— Что такое? — с недоумением снова спрашивает поэт.

— Вы пишете стихи. Я пришел купить у Вас четыре слова из Ваших стихов. Я делаю ваксу и хочу на ярлыке напечатать четыре слова: «яснее дня, темнее ночи», за это я Вам дам, господин сочинитель, 50 рублей. Вы согласны?

Пушкин, конечно, согласился, и немец, довольный тем, что уговорил Пушкина, ушел заказывать необходимые ярлыки.



За свои вольнолюбивые стихи Пушкин был сослан на юг. Когда поэт проезжал Киев, он встретил своего приятеля. Тот удивился и спросил, как это Пушкин оказался тут.

— Язык до Киева доведет, — отвечал Пушкин, намекая на причину ссылки.



КИНООНЕГИН ГОВОРИТ ПО-АНГЛИЙСКИ

Хороший подарок к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина приготовили английские кинематографисты. Они поставили фильм по знаменитому роману в стихах «Евгений Онегин», который у нас все обязательно изучают в школе. Идея создания киноленты «Онегин» принадлежит известному британскому актеру Райфу Файннсу, который и сыграл Евгения Онегина. Режиссером фильма стала его родная сестра Марта, а музыку сочинил еще один родственник актера — его брат Магнус Файннс. На роль Татьяны Лариной пригласили молодую, но уже известную актрису Лив Тайлер (ранее она сыграла в фильме «Армагеддон» дочку Брюса Уиллиса). Для Райфа этот проект — мечта всей жизни. Известность он получил после того, как сыграл в фильмах «Список Шинدلера» Стивена Спилберга и «Английский пациент» Энтони Мингаллы. Однако

сыграть классического героя русской литературы он смог только сейчас, когда стал всемирно знаменитым.



Для большей достоверности атмосферы пушкинской эпохи часть съемок проводилась зимой 1998 года в Санкт-Петербурге. В основном, были выбраны места в районе последней пушкинской квартиры на

набережной Мойки, 12. Снимали проезд Онегина в санях по зимнему берегу Финского залива. Авторы картины очень бережно отнеслись к сюжетным линиям и персонажам романа. Все сюжетные линии и персонажи сохранены. Герои говорят прозой. А вот стихи Пушкина звучат только дважды. В первом случае, когда Татьяна пишет письмо Онегину. А во второй раз, когда Онегин после многолетней разлуки сам пишет возлюбленной письмо.

В знак уважения к Пушкину создатели «Онегина» провели его мировую премьеру в Санкт-Петербурге в дни празднования юбилея поэта. А его мировой прокат начнется во время знаменитого международного кинофестиваля в Венеции.

«Онегин» в английской версии оказался первой полнометражной экранизацией классического произведения русской литературы.

С. ИЛЬЧЕНКО

Рис. Н. Якубовской

О
В
М
А
Е
О
И
Ж
Н
О
В
М
А
Е
О



И Ж Е Р А М Н О П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е К А M H O П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е К A M H O П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е K A M H O П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е



Ранним утром звонок в квартире академика Пятитомова прозвучал как-то особенно взволнованно. В открывшуюся дверь, нервно потирая руки, вошел давний соавтор хозяина профессор Синицын.

— Знаешь, — сказал он, — я, кажется, решил жениться.

— Прекрасно! — одобрил друга академик. — Давно пора.

— С одной стороны, конечно, пора, — ответил профессор, — а с другой как-то боязно. Все-таки в доме появится посторонний человек...

— Тогда не женились, — посоветовал внук академика Сережа. — Зачем вам посторонние люди?

— Но ведь одиночество... — промямлил Синицын и вздохнул, не окончив фразу.

— Знаешь что, — предложил академик, — ты брось монетку.

— Ну вот, еще монетку бросать! — обиделся профессор. — Тоже мне, советчица!

— Очень даже советчица! — стал настаивать академик. — Когда-то, давным-давно, древние римляне изгавливали деньги в храмах. Этим занимались жрецы Юноны, очень мудрой богини. К ней было принято обращаться за помощью в трудных вопросах. И она часто помогала и простым людям, и представителям властей. За это ее прозвали Юнона-Монета, что означало по-древнеримски Юнона-Советчица.

— А раз в храме Юноны-Монеты делали деньги... — вмешался Сережа.

— Вот именно! — подытожил академик. — Поэтому-то металлические деньги стали называть монетами, то есть советчицами. Так что бросай!

— Не буду! — заупрямился Синицын. — Не доверяю я такому жребии. Лучше уж ты, как самый близкий друг, дай мне совет.

— Ты хоть скажи, кто она? — попросил академик.



— Нет, не скажу.

— Как же я могу давать тебе советы относительно невесты кого?

— Вот именно! — обрадовался профессор. — В былые времена оно как было? Невесту приводили в дом сваты; родственники жениха раньше о ней ничего не знали, не ведали; часто и сам жених до сватовства никогда не виделся с избранницей. Невеста — незнакомка, неведомая. Невеста — невесть кто и невесть откуда... Такой отголосок оставили в языке древние традиции, в наши дни забытые уже почти повсеместно. А прекрасное слово осталось!

— Ну, раз так — женились! — решительно сказал Сережа.

Скоро и свадьбу сыграли. Очень на ней было весело и вкусно.

А Б В Г Д Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е К А M H O П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е

И Ж Е Р А М Н О П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е К A M H O П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е K A M H O П Р С Т И Ф Ю Э Я Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы А Б В Г Д Ж З Е

САЛЛИ, ДОЧЬ ПИРАТА

Повесть*

В этой повести Ю Иевер Тенфьюрд рассказывает о событиях, которые перекликаются с происходящими в известном романе Роберта Льюиса Стивенсона «Остров Сокровищ».

Девочка Салли живет в трактире «Зеленый Барсук» у хозяйки, якобы ее матери, по прозвищу Куриная Гузка, которая жестоко с ней обращается. Помощник хозяйки трактира, прозванный Ходячим Скелетом и выдающий себя за отца Салли, добрый, но безвольный человек. Куриная Гузка хочет продать Салли трубочисту. Ходячий Ске-

лет и Салли бегут в город Бристоль. В таверне «Подзорная Труба» Салли встречается своего настоящего отца — одноногого Джона Сильвера. На известной шхуне «Испаньола» сквайр Трелони вместе с мальчиком Джимом Хокинсом, Диком Джонсоном и доктором Ливси собираются на какой-то таинственный остров. Джон Сильвер нанимается коком на судно и набирает в команду своих людей. А Салли и свою новую жену Сару, вручив им два тяжелых ларца, отправляет на Ямайку, куда вскоре обещает приплыть.

ПРИЛЕТАЙ, ВЕТЕР, НАЛЕТАЙ БУРЯ!..

Душа моя была словно опустошена, когда Сару и меня переправляли в лодке к шхуне «Золотой Лев». В последний раз взгляд мой скользил по лицам людей, стоявших на причале, скользил в ожидании Ходячего Скелета. Но его не было...

«Золотой Лев» взял курс прямо на Ямайку. И тогда, повернувшись лицом к ветру, я крикнула:

— Прилетай ветер, налетай буря, несите меня далеко-далеко отсюда... по всему белу свету!..

Вскоре началось волнение на море и качка! Мне захотелось выбраться из душной каюты, и я вышла на палубу.

Обойдя высокую мачту, я подошла прямо к грузовому люку, туда, где вверх дном лежала маленькая гребная шлюпка, и села, укрывшись в ее тени.

Вдруг из полутьмы послышался чей-то шепот:

— Салли!

Я вздрогнула от страха... но из-за маленькой греб-

ной шлюпки... кто же появился там?.. Не кто иной, как Скелет!

— Я вовсе не привидение, — сказал он. — Я нанялся... священником на этот корабль.

Мне пришла в голову мысль: неужто он нанялся на корабль, чтобы в этом огромном мире меня сопровождал еще кто-то, кроме той, которая только предположительно была моя мать и которая, во всяком случае, не любит меня? И у меня на душе стало чуточку теплее.

РАССКАЗ ВО МРАКЕ

Он пришел на следующий день вечером. Было тепло и тихо, и я сидела на том же самом месте, где мы встретились в первый раз. Он хорошенько огляделся по сторонам, прежде чем заговорить... говорил совсем тихо, но так проникновенно, что я помню каждое его слово. И всегда буду помнить то, что он рассказал.

— Я, собственно, из тех, о ком говорят, что он — из знатной семьи, — сказал он. — Некогда меня в самом деле звали Беркли. Но на кухне сквайра женат мой брат. Потому-то так легко было обмануть домоправительницу и Джойса. В таких семьях, как моя, все недвижимое имущество, да и родовое поместье, наследует старший сын. Младшие же братья охотно становятся офицерами или священнослужителями. В офицеры я не годился, так что стал священником. Но я был молод, жаждал приключений и хотел увидеть мир. Вот и стал судовым священником. Какое-то время спустя я очутился на борту корабля, что шел в рейс, который называется триангуляционный или треугольный — это когда ходят в Африку, где загружают шхуну рабами. Затем плывут на запад в Карибию, продают рзбов и загружают в трюмы табак, ром, сахар, и тому подобное, после чего возвращаются домой. Получается своего рода триангель — треугольник. Шхуна называлась «Испытание».

Я быстро обнаружил, что только две пятых экипажа составляли настоящие порядочные корабельщики, а добровольно нанялись туда просто-напросто — жестокие бандиты. Особенно в квартирмейстерах** у нас был законченный мерзавец. Звали его — Симонс.

Он замолчал. Даже во мраке я различала, что Скелет еще бледнее обыкновенного. Голова его опустилась на грудь. Я понимала, что нынче вечером мне больше ничего не услышать...

* Окончание. Начало см. в № 5.

** Лицо, заведующее продовольствием и размещением людей на корабле.





ВСЕ ЗЛО МИРА

Он снова вынырнул только два дня спустя и говорил так тихо, что я едва могла расслышать его слова сквозь завывание ветра и шум волн:

— Шхунам часто приходилось подолгу стоять на якоре в бухте Бенина, пока их не загружали доверху. Но нам сравнительно повезло. Несколько негров достались нам из одного форта, несколько купили на невольничьем рынке. Тамашние царьки ведут войны друг против друга и нередко продают пленников в рабство.

С невольничьего рынка наших рабов увели на берег, поставили там клейма и в цепях загнали на борт нашей шхуны. Потом их спустили вниз в грузовой трюм, помещения которого было столь тесное, что всем там едва хватило места, чтобы лечь.

Я был молод в те времена и не мог не обратить особого внимания на одну девушку. Она была красива. Поговорить друг с другом мы не могли, но глаза ее были весьма красноречивы. Они говорили о невинности и обездоленности, о горе и смятении души. Указав на себя, я назвал свое имя.

— Акоа, — сказала она, также указав на саму себя. Жизни на борту я почти уже не выдерживал. Я гневался и на шкипера и на экипаж, а они гневались на меня за то, что я, читая проповеди, вещал им, что они грешат против Бога, торгуя живым товаром.

Хуже всех относился к неграм квартирмейстер Симонс. К тому же он положил глаз на Акоа. Во мне все кипело, когда я слышал грязную болтовню Симонса, и готов был выкупить Акоа и дать ей вольную! Но у меня не было с собой достаточно денег.

Мы приближались к Островам Святой Девы. По мнению шкипера, плавание шло благополучно. Настало время придать рабам товарный вид и выручить за них хорошие деньги. Поэтому им позволяли больше бывать на палубе, а многих освободили от тяжелых цепей, чтобы рабам было легче передвигаться. Это и привело к тому, что один могучий испанин, с которого тоже сняли цепи, внезапно поднял своеобразный мятеж.

Кое-кто из рабов был застрелен. Огромного негра схватили. Никто из матросов особо не пострадал.

На следующий день всех рабов вывели на палубу, теперь уже в оковах — и могучему испанину отрубили

голову. Она покатилась по палубе. А все это совершил Симонс, сам вызвавшийся стать палачом; он хвастал силой своих могучих ударов.

Я понимал: мятеж должен быть подавлен, ведь это был вопрос жизни и смерти — нашей или негров. Но все равно, я был так потрясен жестокостью Симонса и впал в такое отчаяние, что почти сам себя не помнил. Когда мы приплыли к Островам Святой Девы, где хотели пополнить запасы пресной воды, я удрал на берег в Тортоле, где зашел в трактир.

И там я встретил какого-то господина, с которым мы затеяли пьяную болтовню. Не помню точно, что говорил он, и что говорил я, но каким-то образом речь зашла о пиратах, просто кишмя кишевших в тамошних водах. Незнакомец полагал, что они не так уж и плохи — «искатели счастья», «джентльмены удачи», «джентльмены фортуны» — как он их называл — только удача — дама непостоянная. Потом он спросил, куда направляется наша шхуна, и я сказал правду: на Ямайку. Тогда он заинтересовался и шхуной: велика ли она, сколько людей на борту, сколько пушек, и какой груз мы везем. Не очень-то раздумывая, я также ответил и на эти его вопросы. Под конец он спросил, каким курсом мы думаем идти, и тогда я немного осекся, но боюсь, что и это все-таки сорвалось у меня с языка.

ПИРАТЫ!

Мы отплыли из маленькой гавани, попутный ветер нам благоприятствовал. Но вот однажды мы увидели шхуну с полным вооружением, идущую на всех парусах. На верхушке мачты развевался черный пиратский флаг. Мы вооружились, готовясь к битве — все до единого, в том числе и я. Обе пушки были заряжены, но на борту у нас настоящего пушкаря не было, и ядра летали вхолостую. Пираты пытались уже под громкий вой и крики взять нас на абордаж — сблизиться вплотную с нашим кораблем, перейти к нам на борт и начать рукопашную схватку.

Симонс помахал рукой, призывая на помощь кое-кого из команды. И я сразу понял, что он задумал: пристрелить закованных в цепи рабов, так как боялся, что пираты освободят их и заставят сражаться на своей стороне. Отовсюду слышались вопли, крики и выстрелы, стоял запах крови, и столбом взметалась вывеска пороховой дым, уже началась рукопашная. Голова у меня шла кругом. Однако же никогда прежде не впадал я в такую ярость — не задумываясь, я, обнажив шпагу, кинулся к ненавистному Симонсу и вонзил ее прямо ему в грудь.

Скелет глотнул воздух.

— Тем самым судьба Симонса была решена... да и моя тоже.

Только я заколол Симонса, как оказался в руках пиратов, и один из них потащил меня за собой на борт пиратской шхуны.

Пути морских разбойников и шхуны «Испытание» разошлись. Кое-кто из команды морских разбойников перешел на борт шхуны «Испытание» и на захваченном судне поплыли на Багамы, чтобы как можно быстрее продать негров, пиратская же шхуна с остальными разбойниками взяла курс на Запад. Они хотели, чтобы я дал клятву пирата. Я был в полном отчаянии и высадился на берег в первой же гавани. Это был Джордж-Таун на Гранд Каймане, настоящее гнездо пиратов. Там я услышал, как сложилась судьба шхуны «Испытание». Пираты привели ее на парусах к острову Тринидад в Вест-Индии, и там все рабы были проданы на аукционе владельцам окрестных плантаций.

Я желал, чтобы Акоа умерла, прежде чем на ее долю выпадут еще более ужасные страдания.

— Да, — продолжал, глотнув воздух, Скелет, — тогда-то все для меня и кончилось. Ведь я убил человека, так и не дав ему возможности покаяться в грехах и попросить прощения, я предал Бога...



С тех пор я боялся людей. Долговязый Джон знал мою историю, ведь он был в тот раз вместе с пиратами. Однако он хранил эту тайну, ведь его могли бы повесить вместе со мной. Потом я держался за него и он немного помогал мне, так что, в конце концов, я словно бы обрел своего рода тайное убежище у Мери в «Зеленом Барсуке». Но с тех пор я стал жалким ничтожным пьяницей.

— Ошибаешься, — прошептала я. — Ты спас меня от службы у трубочиста. И ты нанялся сюда, на шхуну «Золотой Лев».

Тут мне пришло в голову, что он, быть может, очутился на борту из-за того, что сглупил, назвав свое настоящее имя в тот раз, когда мы были в поместье. Похоже, ему показалось, что надежней всего убраться из Англии.

Прибыв в Кингстон, Салли и Сара поселились в трактире «Золотая Олениха», а затем сняли лачугу высоко в горах. Сара готовила пайи — мясо или фрукты, запеченные в тесте и поджаренные, а Салли их продавала. Когда она бегала по всему городу, девочке все время казалось, что за ней кто-то подглядывает...

ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

В Кингстоне уличные мальчишки часто нагло вели себя со мной, но я тут же отшивала их, осыпая проклятьями.

Однажды некоторые из них попались мне навстречу. — Дай-ка пирог, милашка! — попросил один из мальчишек. — А вместо платы получишь поцелуй!

Тут из проулка вынырнул какой-то скрюченный старик.

— А ну, оставьте ее в покое! — закричал он.

— Так вот ты где, — сказала я. — И давно здесь?

— Столько же времени, сколько и ты, — ответил он. — Я сам высадился на берег.

— Это ты все время ходил за мной следом? — спросила я. — Будто ты мог помочь мне, попади я в беду!

— Может, и помог бы, — сказал Скелет.

— Как ты живешь? — спросила я. — Ты ешь хоть что-нибудь?

— О да, — ответил он. — В трактирах всегда найдутся люди, которым необходимо что-либо написать или прочитать, и за это я получаю немного еды или несколько шиллингов.

— Послушай, ты встречаешься со столькими людьми, — сказала я. — Не мог бы ты разузнать про какую-

нибудь лодку, которую можно взять тайком, чтобы хозяин не заметил? Мне так хочется поплавать в здешнем заливе!

— Гм, — пробормотал Скелет. — Вообще-то, зачем брать лодку тайком. Мы можем взять ее в аренду.

Назавтра в полдень было тепло и почти безветренно. Скелет налег на весла с такой силой, что лодка полетела стрелой.

— Не так быстро, — попросила я, не отрывая взгляда от зеленой, тихой бездны.

Чуть подальше, уже в бухте, в глазах у меня зарябило от совсем других красок в глубине вод — можно было уже различить силуэты домов и крепостных укреплений. Вода отсвечивала, переливаясь, и белизной стен, и краснотой черепичных крыш, и буроватой зеленой покрытых патиной шпильей древних башен — а это, разве не руины церковной колокольни сейчас внизу, подо мной, в глубине вод?

И вдруг до меня донесся звон соборного колокола.

— Это был... это был колокол... он звонил, — шепнула я онемевшими губами.

— Сегодня ведь не воскресный день, — сказал Скелет. — Вероятно, где-то в городе похороны.

Но колокол, что я слышала, звонил не в городе. Он звонил на дне морском. То было дурное предзнаменование...

ЛАВИНА ОБРУШИВАЕТСЯ

Вначале ничто не предвещало того, что дурное предзнаменование сбудется. Однако же довольно скоро свершилось то, чего мы ждали и боялись. Как-то я внезапно увидела человека, который, прихрамывая, поднялся в гору — на плече у него сидел большой попугай.

— Это же Долговязый Джон и капитан Флинт! — закричала я и помчалась им навстречу.

Сара от неожиданности выронила тарелки из рук.

— Как чудесно увидеть снова моих девочек, — сказал Долговязый Джон. — Слышал, Сара, дела у тебя идут хорошо. Так оно и должно быть.

— А в гавани я что-то не видала «Испаньолу», — сказала я.

— Я же списался с нее, — ответил Долговязый Джон. — Я прибыл на другой шхуне. Хотел к вам как можно скорее попасть!

Затем он обнял меня и Сару. Но не успев войти в лачугу, он тут же спросил о ларцах. Мы показали ему, куда мы их спрятали — за несколькими отставшими от стены камнями за очагом.

— Молодцы, девочки! — похвалил он нас.

И тут начался настоящий праздник!

— Ну, как тебе жилось все это время? — стала я тут же приставать к отцу, мне не терпелось узнать, как все с ним было.

— Нелегко! Той добычи, на которую я рассчитывал, мне не досталось, хотя кое-что есть.

— А Джим Хокинс? — спросила я. — Как поживает он?

— Не смей упоминать при мне даже имя этого проклятого мальчишки! Единственно, что он может, — это подслушивать и обманывать. Все неприятности — только от него! — воскликнул Долговязый Джон. — Но теперь он, верно, уже давным-давно дома вместе со сквайром и доктором.

Я думала о Джиме Хокинсе и его матери, о том, что они снова свиделись и могут жить вместе в трактире «Адмирал Бенбоу». И я видела их пред собой так, как видела в самый первый раз.

У меня тоже был отец. И он был здесь, и я могла болтать с ним, дотрагиваться до него, я могла гордиться им!

Однажды утром мы сидели на крыльце, а Сара хлопотала у очага и не могла нас слышать. А он так спокойно, уютно болтал со мной, угощая изюмом из маленького узелка, который держал в руке.

И в такие минуты казалось совершенно невероятным, совершенно невозможным представить себе этого

загадочного человека в самой гуще пиратской жизни в прежние годы. Я не осмеливалась выпрашивать у него прямо, но мне все же страшно хотелось, чтобы разговор принял интересный для меня оборот, и я сказала:

— А этот Том Морган... О нем ходили слухи, будто он был пиратом!

— Ты ведь и сама узнала теперь, что такое длительное морское путешествие. И может, на борту «Льва» капитан у тебя был толковый. Но представь себе, каково это, если капитан — дурак, если тебя тиранят люди, про которых ты знаешь, что они куда глупее и стоят куда меньше твоего. А все только потому, что ты рожден матросом и должен знать свое место! А шанс показать, чего ты стоишь, дают тебе, пожалуй, только пираты!

Я никак не могла отделаться от мысли о том, что Долговязый Джон, возможно, говорил о самом себе.

Я думала, что мы, скорее всего, поселимся в Кинг-стоне, где Сара и я по-своему прижились. Однако же у Долговязого Джона были совсем иные планы. Мы должны будем двинуться дальше, лишь только представится для этого okazия и в гавань зайдет подходящий корабль.

Каждый день отец спускался вниз в гавань и навел справки, но время все шло и шло, а подходящей оказии все не было. Однажды все-таки он вернулся домой в лучезарном настроении. Меня послали в город за бутылкой вина.

Я вернулась обратно гораздо раньше, чем они ожидали. И вот, когда я была уже у самых дверей, я услышала такое, что заставило меня внезапно остановиться. Я присела на корточки, спрятавшись за кустами прямо под окном.

— Теперь уж я точно уверен, что мы вот-вот тронемся в путь, — говорил Долговязый Джон. — Завтра собери все деньги, которые тебе задолжали люди. Однако, не могу же я один, да еще с одной ногой, таскаться по всей Карибии с двумя темнокожими девицами! Это уже слишком! Салли мы оставим здесь, только ты ей об этом не говори.

На меня словно лавина обрушилась. Неужто я все это слышала своими собственными ушами?

В конце концов я спустилась вниз.

— Твой поход длился невероятно долго, — проворчал Долговязый Джон.

— Мне худо. Я хочу лечь, — сказала я.

Так я и сделала. Я лежала, натянув одеяло на голову, и слышала, как бьется мое сердце, и как они празднуют и веселятся.

ДВА ЛАРЦА С ДЕНЬГАМИ

На следующий день я не вставала до тех пор, пока Долговязый Джон не ушел. Потом я еще лежала, прислушивалась к шагам Сары, и как только она ушла, я тут же вскочила и бросилась к ларцам. Одного уже не было. Джону, вероятно, понадобилось заплатить за поездку. Я взяла оставшийся ларец, завернула его в юбку и побежала в кузницу, к кузнецу Сэму.

— Не можешь ли ты открыть этот замок, а потом снова закрыть его, но пусть никто не догадается, что ларец открывали?!

Я стояла в кузнице, дрожа от нетерпения, пока Сэм вскрывал ларец отмычкой, и в тот самый миг, когда он управился с замком, я схватила ларец и выбежала из кузницы. Подбрав на бегу лопату, лежавшую перед кузницей, я помчалась в лес.

Подбежав к своему дереву, я открыла ларец. На Ямайке я привыкла к монетам самой разной чеканки. Но здесь в ларце их было так много, да еще таких больших... Я высыпала их в свою косынку, завязала ее углы и зарыла узелок в землю под деревом. На Ямайке все росло так быстро, через несколько дней никто и не увидит, что здесь копали.

Потом я отыскала подходящий камень, примерно такой же тяжести, каким был узелок с монетами, и по-

ложила его в ларец. После чего я отнесла ларец кузнецу, и ему удалось снова закрыть его.

С бьющимся сердцем помчалась я в лачугу. И как раз вовремя. Ни Долговязый Джон, ни Сара еще не возвращались. Я спрятала ларец на прежнее место в стене за очагом.

Сначала вернулся домой Джон с первым ларцом, который он безопасности ради, прикрыв сверху овощами, нес в деревянной бадье. Он также поставил ларец на место. Затем совсем с другой стороны явилась Сара. У нее тоже была с собой немалая толика денег, да еще она принесла домой те монеты, что ей удалось скопить с тех пор, как она начала продавать пайи.

Джон сидел за столом, а перед ним лежала горка монет.

— Эти мы тоже положим сверху в один из ларцов, — сказал он.

Я вздрогнула.

— Принеси-ка мне один из ларцов, — обратился он ко мне.

Как проклинала я себя за то, что в свое время не рассмотрела их повнимательней, — они были одинаковы, наверняка, сработаны одним и тем же столяром, а железную оправу и замок выковал для них один и тот же мастер.

Изрядно дрожа, подошла я к стене за очагом, вытаскивала камни — и вот ларцы стоят там, оба! Я смотрела на них так пристально, что глаза у меня чуть не вылезли на лоб. Однако нужно было выбирать! И мне показалось, что я вспомнила небольшую разницу между ними. Я взяла один и подошла с ним к Долговязому Джону.

Положив ларец на колени, он отвернулся так, чтобы мы не видели, где он держит ключ (но мне кажется, ключ висел у него на шнурке на шее). Я едва дышала, когда он вставлял ключ в замок и поворачивал его.

Слава Богу! Я выбрала нужный ларец! Он был полон монет, и Джон положил к ним еще и деньги Сары. Но тут он сказал и нечто другое, заставившее меня снова вздрогнуть от страха.

— Девицы, упаковывайте ваши сундуки! После обеда я спущусь вниз к причалу и пришлю вам носильщика с ручной тележкой. Сегодня вечером мы сядем на корабль, а отчалим завтра — ранним утром.

Никто не знает, куда ветер дует, или что надумает в следующий миг Долговязый Джон!

Я вовсе не была уверена в том, что тронусь в путь вместе с моим отцом, предавшим меня, тем более не попрощавшись со Скелетом. А как быть с деньгами, которые я зарыла в лесу? Как мне их забрать оттуда и





снова положить в запертый ларец? Найдется ли у кузнеца время открыть и запереть его снова? Но хуже всего то, что перед тем, как уйти, Долговязый Джон положил оба ларца в деревянную бадью.

Я смотрела ему вслед, смотрела, как он с деревянной бадьей в одной руке, с костылем в другой и с попугаем на плече, хромя и подпрыгивая, спускался вниз на набережную.

Окончательно решить, что делать, мне так и не пришлось. Время шло и шло, мы ждали и ждали, но никто с тележкой так за нами и не явился. В конце концов я сказала Саре:

— Сбегаю-ка я вниз на набережную и погляжу, где он там.

Но и тут никого с тележкой мне по пути так и не встретилось. Я спустилась даже еще ниже, на причал. Однако же Долговязого Джона нигде не было. Я стала расспрашивать о нем. Кое-кто, в самом деле, видел его. «Он поднялся на борт шхуны "Софи Амалия"», — ответили мне.

— А где пришвартована эта «Софи Амалия»?

— Она снялась с якоря два часа тому назад.

И тут же я поняла, что предвещал мне звон колокола на дне морском.

ПРИВЕТ С ОСТРОВА СОКРОВИЦ

Сара по-прежнему пекла пайи, а я их продавала.

Мне было приятно представлять себе выражение лица Долговязого Джона, когда он увидит содержимое одного из ларцов!

Деньги оставались в тайнике наверху возле моего дерева. Я не знала хорошенько, что мне с ними делать. Но придет час: когда-нибудь они мне наверняка пригодятся.

Но вдруг произошло событие, которое разом все переменяло!

Я шла по городу и кричала:

— Бристольские пайи, пайи с креветками, вкусные пайи, горячие пайи!..

Меня остановил какой-то длинный парень:

— Пай с креветками, — попросил он.

Это был... Дик Джонсон! Но Дик Джонсон — шикарно одетый и в новом платье — сын вдовы учителя казался настоящим щеголем!

— Мне надо поговорить с тобой, Салли, — сказал он. — Я приехал сюда только встретиться с тобой. Где бы мы могли побеседовать так, чтобы нам не помешали?

Мне было жутко интересно узнать, что он мне скажет, и что имеет в виду, говоря, что приехал сюда — только встретиться со мной. Я вспомнила, как однажды в Бристоле проболталась ему, будто собираюсь на Ямайку.

Я показала Дикю наверх на вершину горы.

— Поднимайся туда после полудня и иди прямо — к самому высокому дереву, какое только найдешь.

Некоторое время спустя я обнаружила Дика. Мы уселись у корней дерева.

— Долговязый Джон рассказывал, будто ты остался на каком-то острове, уж больно он тебе по душе пришелся! — сказала я.

И тут я услышала от него всю историю об *Острове Сокровищ* или, как его еще называли, — *Острове Пиратов*.

У меня все так и плыло перед глазами. Дик продолжал:

— Пираты замыслили такой план: пусть, мол, сквайр и его люди отыщут клад, выроют его, а уж потом пираты похитят сокровища у Трелони и его сподвижников. Я нанялся на шхуну с самыми благими намерениями, и после Джима Хокинса был самым юным на борту. Однако же Долговязый Джон сумел уговорить меня перейти на сторону пиратов. В тот самый день, когда мы заметили землю на горизонте, Джиму Хокинсу удалось услышать нечто, не предназначавшееся для его ушей... И благодаря этому сражение между пиратами и теми, кто сохранил верность сквайру, началось прямо на шхуне. Многих застрелили, а в конце концов, сквайр и его друзья победили. Они нашли сокровища и отплыли с острова на «Испаньоле». Долговязого Джона они захватили с собой, так что теперь его уже, пожалуй, повесили.

— И вовсе нет, — возразила я. — Он был здесь.

— Стало быть, ему удалось улизнуть! — воскликнул Дик.

И эти слова прозвучали так, словно ничего, кроме восхищения, Долговязый Джон у него не вызывал.

— Но меня, Тома Моргана и беглого французского матроса, что связался с пиратами, сквайр и его друзья оставили на этом проклятом острове, а сами отплыли на «Испаньоле». Кое-какое оружие, немного инструментов, немного съестного они все же нам дали, и мы изо всех сил пытались выжить...

— Том Морган, — перебила его я. — Он всегда называл меня «Куколка»...

— Так вот, — продолжал Дик, — на острове мы все трое захворали, схватили малярию. Лихоманка трясла нас, и француз умер. Но мы с Томом вспомнили кое-какие советы доктора Ливси и стали держаться подальше от болот и топей. А еще Том научился кое-чему у старой индианки на берегу у Саванны — научился жевать листья с какого-то куста. И мы нашли такой куст, и он нам здорово помог.

Сквайр и его люди увезли с собой вовсе не все золото с острова. Том и я нашли гораздо больше. Мы были несметно богаты, но какая радость от этого на необитаемом острове?! И вот, в конце концов, мы увидели, как мимо острова плывет корабль и называется он «Морской Лев». Матросы тоже заметили нас и взяли к себе на борт. Мы рассказали им, что, мол, потерпели кораблекрушение, и они, хочешь верь, хочешь нет, поверили всему, что мы наврали. В бухте, в северной части острова, лежали останки старого трехмачтовика, лежали уже так давно, что целиком заросли взморником, а зеленые кусты пустили даже корни в палубу. Дуралеи на борту «Морского Льва» поверили, будто мы потерпели кораблекрушение именно на этом судне... да, и к счастью, горизонт застилал туман. Они поверили всем нашим рассказам. Так что мы оба смогли захватить с собой на корабль часть сокровищ в целости и сохранности.

В первой же гавани мы с Томом Морганом расстались. Насмотрелись мы друг на друга на острове более

чем достаточно. А теперь я здесь! — воскликнул Дик. — И как видишь, на мне теперь такой кафтан, какой никогда в жизни я не носил.

Я слушала его, разинув рот.

— А егерь, старый Редрут, он тоже умер от лихорадки?

— Он был убит, — ответил Дик.

— А камердинер, Джойс?

— Убит.

— А Хантер, который тоже был на службе сквайра?

— И он был убит.

— Ну, а что же с Джимом Хокинсом?

— Он, верно, уже давным-давно дома в трактире «Адмирал Бенбоу», а денег у него теперь куда больше, чем когда-либо.

Для первого раза этой истории было предостаточно. Рассказ Дика чуть не до потери сознания ошарашил меня. Но это оказалось еще далеко не все.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

— Теперь у меня есть деньги, — сказал Дик. — Но я не могу уехать домой в Англию. Потому что, если доктор или сквайр нападут на мой след, болтаться мне на виселице. Поэтому хочу спросить тебя кое о чем.

Он замолчал и посмотрел на меня.

— Ты, Салли, умеешь пробиваться в жизни, — сказал он. — Я достаточно насмотрелся на тебя. Поэтому хочу просить тебя съездить домой в Англию и отвезти моей матушке денег столько, чтоб она на старости лет ни в чем не нуждалась. Я тебе тоже хорошо заплачу, Салли. А, кроме того, дам еще денег, чтобы ты могла вернуться сюда обратно, если захочешь. Ну, что скажешь, Салли?

Но я не знала, что ответить. Голова у меня шла кругом.

— Мне надо подумать, — сказала я. — Увидимся здесь через два дня.

За это время Салли встретила с Ходячим Скелетом и рассказала ему о встрече с Диком Джонсоном и его предложении о поездке в Англию. Ходячий Скелет вызвался сопровождать Салли в новую поездку, несмотря на грозившую ему опасность и одолевавший его кашель.

Однако же прошло некоторое время, прежде чем они со Скелетом тронулись в путь.

Я страшилась морской болезни, но на этот раз все сошло благополучно. Ходячий Скелет и я — обаплыли как пассажиры, но на этот раз я не прикидывалась знатной барышней, как на борту шхуны «Золотой Лев».

Безо всяких приключений оставили мы позади воды, в которых бесчинствовали пираты.

В Бристоле мы остановились в гостинице «Старый Якорь». Однажды, когда мы шли вдоль набережной, я остановилась возле лавки, расположенной в нижнем жилье одного из домов. Лавка называлась «Полумесяц», а вывеска ее была также в форме полумесяца.

При лавке была печатня, а продавались тут и разные целебные снадобья, и книжки, и брошюры.

— Погляди-ка, — сказала я. — Целебные снадобья! Зайди туда и купи что-нибудь от кашля.

Я дала Скелету денег, довольно много денег; ведь то, что помогало от хвори, стоило, верно, недешево. А сама пошла дальше, к той женщине, у которой собиралась заказать себе платье.

Но когда Скелет явился в трактир, в узелке у него были вовсе не целебные снадобья. Развязав узелок, он вытащил оттуда книгу.

Тут-то я и узнала, что у книг есть названия, а что эта, к примеру, называется «Остров Сокровищ». Но мне предстояло удивиться еще больше.

— В книге рассказывается одна история, — объяснил Скелет. — История о том, что случилось с «Испаньолой».

— Рассказывается?.. — удивилась я. — Но я не слышу, будто она что-то говорит.

— Ты ведь знаешь, я читаю и пишу для людей, которые сами ни читать, ни писать не умеют, — сказал Скелет. — А сейчас я буду читать для тебя. Но помни, рассказывает эту историю в книге Джим Хокинс.

До чего ж чудно! Я заглянула в книгу, где так и кишели всякие мелкие штучки-дрючки, которые вовсе не шевелились, хотя и напоминали всяких разных козявок.

— Вот это и есть буквы, — объяснил Скелет, показывая на крохотные штучки-дрючки. — А когда я читаю, то складываю буквы в слова.

— И буквы могут рассказывать даже о том, что случилось давным-давно?! — удивленно воскликнула я.

— Да! Каким-то образом могут, — ответил Скелет.

Потом я слушала и слушала без конца то, что читал Скелет. Все последующие дни он почти ничего не делал, а только читал книгу, и я тоже почти ничего не делала, только слушала, как он читает. До чего ж чудно! Долговязый Джон и Джим будто бы приблизились к нам, да и другие тоже!

Теперь я узнала, что случилось на шхуне «Испаньола» и на острове, где они побывали.

Когда Скелет кончил читать, я сказала:

— А теперь я хочу научиться писать, и напишу о том, что пережила лично я.

— Прежде тебе надо научиться читать, — сказал Скелет.

Это был изнурительнейший труд, самый утомительнейший из всех, каким мне только приходилось заниматься!

Мы начали постигать грамоту в Бристоле, и задержались там гораздо дольше, чем я предполагала, потому что несчастный Скелет захворал.

Прошло довольно много времени, прежде чем Скелет, шатаясь, встал на ноги, и мне показалось, что теперь я могу отправиться в путь.

РАЗНЫЕ ВСТРЕЧИ

Первым делом Салли навестила мать Дика — вдову учителя, — которая проживала в нищенской лачуге, и передала ей деньги. Потом девочка направилась в «Зеленый Барсук» к Куриной Гузке. Та, узнав о деньгах, сначала притворилась заботливой матерью, но поняв, что ей ничего не удастся выжать из Салли, Куриная Гузка хотела уличить ее в воровстве, но вновь, благодаря таможенному досмотрщику Дансу, потерпела поражение. И Салли отправилась в трактир «Адмирал Бенбоу».





У Джима и его матушки появился прекрасный сад и каретный сарай, и конюшня. В саду росли кусты роз, и все было нарядно и красиво.

Я заглянула в окошко. Ну как же мне повезло! В трактире за столом сидел Джим: но вот вошла его матушка и поставила перед ним еду, а потом она обняла сына за плечи, наклонилась и щекой прижалась к его щеке. Как мечтала я увидеть все это наяву!

— Здравствуйте, — поздоровалась я. — Ты узнаешь меня, Джим?

— Да, — спокойно ответил он, подняв на меня свои синие глаза. — Ты — Салли!

— А ты помнишь мое полное имя? — спросила я, в упор глядя на него. — Оно звучит так: Салли Сильвер!

— Долговязый Джон! — задыхаясь, проговорил Джим. — Стоит мне подумать о нем!..

Больше он не произнес ни слова, но по его внезапно помрачневшему лицу пробежала дрожь отвращения и страха; и, как мне показалось, своего рода восхищения... да, да... восхищения!

— И никто не может отвечать даже за то, что натворил его отец! Не хочешь ли присесть, Салли? Матушка, не предложим ли мы ей что-нибудь поесть?

Мать Джима, похоже, была совершенно сбита с толку, но все же принесла мне кружку молока.

— Читала я твою книгу, Джим, — начала я. — А тебе никогда не приходило в голову, что на свете могут быть и другие люди, обладающие правом на сокровища, и правом большим, нежели ты, сквайр и доктор?

— Заполучив тогда карту острова, вы не захотели, чтобы Данс увидел ее, — сказала я. — Не кажется ли тебе, что вы присвоили ее хитростью и обманом? У вас что, было большее право на сокровища, чем у пиратов? — не ускользнула я. — Они, по крайней мере, надрывались, чтобы добыть его.

— Пираты... — задыхаясь, произнес Джим, — это... это... отребье!

— Предположим... но все-таки они ведь тоже люди, — сказала я. — Кое-кто из них пошел в пираты с голоду да с нужды, к примеру, буканьеры — первые пираты в Вест-Индии, еще их флибустьерами называют, подались в пираты потому, что началась война с Испанией и им уже некому стало продавать свое копченое мясо. Наслышалась я об этом на Ямайке.

— С голоду да с нужды, — повторил Джим. — Пожалуй, не следовало им из-за этого в пираты подаваться. Лучше бы занялись честным трудом.

— Это не каждому легко, — возразила я. — А некоторых, может, тиранили надутые офицеры на флоте или злые шкиперы на торговых шхунах. И только став пиратами, они могли показать, на что способны.

Тут я подумала о Долговязом Джоне.

— Нет, Салли, — твердо сказал Джим. — Это они-то надрывались из-за сокровищ! — воскликнул он. — Они убивали за них! Они были жестоки и кровожадны. Не забывай об этом!

— Да, — ответила я. — Но не забывай и ты, что они, может, стали такими потому, что другие были жестоки к ним. Кто знает, какой бы стала я, если бы в детстве, когда Куриная Гузка тиранила меня, я бы не видела ничего другого, хорошего. Так что заткнись-ка, Джим!

Он настолько онемел от удивления, что лишь неотрывно смотрел на меня, разинув рот.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Не знаю, — ответила я. — Но думаю я об этом часто.

— Хочешь есть? — спросил вдруг он, словно вернувшись из другого мира.

— Нет, спасибо, — отказалась я. — Но я вижу, у вас появились лошадь и экипаж. Я охотно бы наняла их, чтобы доехать до гостиницы «Король Георг». Оттуда я отправлюсь в почтовой карете в Бристоль.

— Я отвезу тебя, — сказал Джим.

Прощавшись с его матерью, я вышла из дома. Джим шел за мной, а она смотрела нам вслед. Ей наверняка тоже нашлось о чем подумать.

— Почтовая карета прибудет нескоро. У нас есть еще время. Давай немного пройдемся, — предложил Джим. — Что тебе известно о Долговязом Джоне? Где он теперь?

— Если б даже и знала, все равно ничего бы тебе не сказала, — ответила я. — Но он предал меня, как предал всех вас.

Пахло клевером и свежескошенным сеном, и морем. Над нами летали ласточки и высилось небо, покрытое легкими перистыми облаками.

— Удивительная ты девушка, — сказал Джим. — И я хочу, чтобы ты знала: я стараюсь быть порядочным. Я ведь сдержал слово чести, что дал пиратам, хоть это и могло стоить мне жизни.

— Мои деньги взялись оттуда же, что и твои, — сказала я. — Поэтому никакого права обвинять тебя у меня нет. Мне кажется лишь, что нам надо не забывать об этом.

Конюх Джима запряг лошадь в экипаж, но повез меня Джим сам. У гостиницы я вышла из кареты, и когда мы стояли, глядя друг на друга, я спросила Джима:

— Встретимся ли мы еще?

— Думаю, да, — ответил Джим.

И мне показалось... я заметила, что если я захочу, если я, в самом деле, захочу, Джим Хокинс когда-нибудь посватается ко мне.

Перевод с норвежского Л. БРАУДЕ

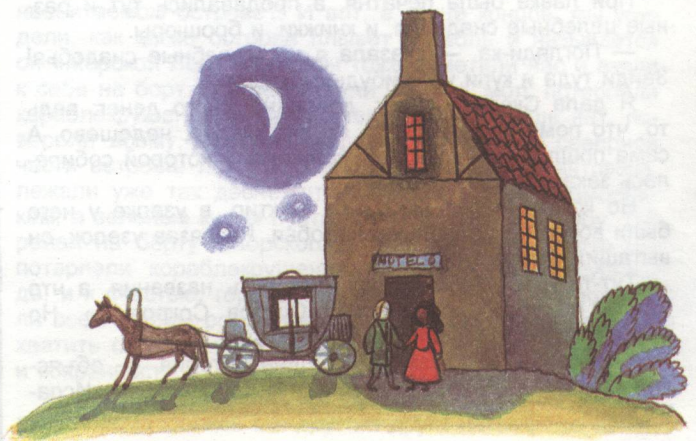


Рис. К. Почтенной



Всёмыи Звончок

ВЕДЁТ УЧИТЕЛЬ СМЕХА
ЛЕОНИД
КАМИНСКИЙ

Дорогие ребята! На улице — лето, у вас уже каникулы, а я, несмотря на это, решил провести урок литературы, связанный с изучением творчества Пушкина. Я полюбил подшивку «Веселого звонка» и выбрал для вас самые смешные случаи.

Попал в топку



Витю вызвали к доске читать наизусть отрывок. Он начал: «Зима! Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Его лошадка, снег почуя, плетется рысю... рысю...»

— Голубев! — не выдержала учительница. — Опять ты не готовил уроки! Даже не знаю, как ты закончишь четверть!

Тут Витя вспомнил: «Как-нибудь!»

И все засмеялись!



Кудесник

На уроке литературы учительница читала вслух «Песнь о вещем Олеге». В это время Костя что-то громко шептал соседу по парте.

— Михеев, встань! — сказала Вера Матвеевна. — Вот так. Стой и слушай.

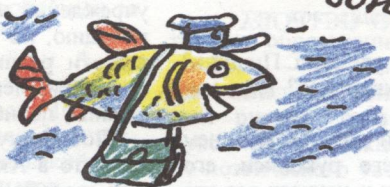
Потом она продолжила чтение:

«Скажи мне кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?..»

— Не знаю... — неожиданно сказал Костя.

И все засмеялись!

Рыбка- поздравочек



Юля читала у доски сказку «О рыбаке и рыбке». И вот она дошла до места, когда старуха требует:

«... Хочу быть владычицей морскою, Чтобы жить мне в Окияне-море, Чтобы служила мне рыбка золотая И была б у меня на посылках».

— Кто знает, — спросила учительница, — что означает выражение «быть на посылках»?

— Я знаю! — сказал Егоров. — Это старухе захотелось, чтобы золотая рыбка доставляла ей с почты письма и посылки!

И все засмеялись!

Удивительное растение



Галя вышла к доске и без запинки прочитала стихотворение «Анчар».

— Ну что ж, — сказала Анна Григорьевна, — стихотворение ты выучила. А теперь расскажи нам, что это за растение «анчар»? Как его характеризует автор?

— Это такое ядовитое растение. К нему ни птица не летит, ни тигр!..

И все засмеялись!



Робкий Дубровский

Мы изучали роман Пушкина «Дубровский».

— Итак, что сказал Дубровский, войдя в комнату к Марии Кириловне? — спросил учитель, обращаясь к классу.

Тут встал Коля и сказал:

— Можно выйти?

И все засмеялись!

Супруга Волка



На уроке мы читали стихи Пушкина:

«Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолк,
С своей волчицею голодной
Выходит на дорогу волк».

Учительница вызвала Диму и сказала:

— Перескажи нам, пожалуйста, эти стихи своими словами. Как ты представляешь себе эту осеннюю картинку?

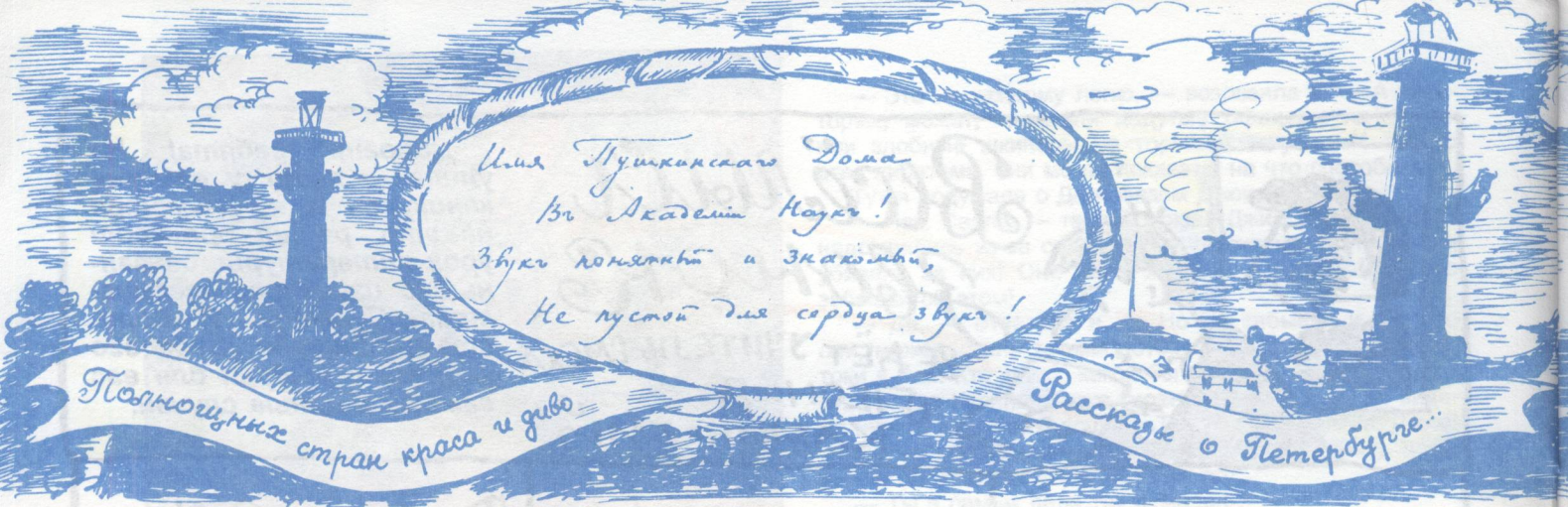
Дима стал мямлить:

— Ну, осень, холодно. Поля пустые. Никто не работает. На дорогу выходит волк. Он голодный.

— Что, он один выходит? — спросила учительница.

— Нет, с женой...

И все засмеялись!



ИМЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА...

НА СТРЕЛКЕ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Пушкинский Дом... Что это? Дом, где жил Пушкин? Как дом на Мойке, где сейчас музей-квартира? Или как дом в Михайловском?

Нет, нет, это особенный прекрасный дом. Поэт в нем никогда не жил, зато здесь живут его рукописи, его книги, книги его библиотеки. Сберегает и изучает все это размещенный здесь же исследовательский центр — Институт русской литературы. Когда упоминают этот институт, то обязательно в скобках пишут (Пушкинский Дом).

Сейчас Пушкинский Дом уже неотделим от здания, в котором находится: величественного, белоколонного, увенчанного куполом. Построено оно архитектором И. Ф. Лукони в 1829—32 гг. для Петербургской портовой таможни. Вот почему над фронтоном возвышаются скульптуры бога морей Нептуна, торговли — Меркурия и плодородия — Цереры. Строилось здание при жизни Пушкина, и когда он мимо проходил, а говорят, и заходил, поэт и представить не мог, ЧТО через сто лет здесь будет.

Нынешняя довольно тихая Стрелка Васильевского острова — замечательный архитектурный ансамбль Петербурга — не в пример той шумной в первой половине XIX века, когда здесь был порт. Ростральные маяки светились огнями, швартовались суда, сновали лодки, разгружались товары, работали биржа и таможня. Потом парусов и флагов не стало, порт сменил место, с ним — и таможня. Здание осталось. И вот сюда переехал в 1927 г. Пушкинский Дом.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Если Дом переехал, значит, где-то он до этого находился? Да, и не один год. История Пушкинского Дома начинается с 1905 г., и даже раньше.

В 1899 г. отмечалось столетие со дня рождения Пушкина. Было принято решение о создании памятника поэту в Петербурге. Тогда в городе был один скромный памятник на небольшой Пушкинской улице, который посчитали мало выразительным.

Одновременно в зале Академии Наук открылась выставка, посвященная Пушкину, и вызвала она всеобщий интерес. Привлекали внимание портреты Пушкина, и среди них — загадочный Тропининский, подмененный много лет назад с последующей путаницей: где же оригинал, а где копия? Рассматривали и золотой перстень с сердоликом и древней надписью. Его подарила поэту в Одессе княгиня Воронцова — по поводу чего написано стихотворение «Талисман». На смертном одре поэт передал перстень Жуковскому. От него реликвия перешла к сыну, а затем к И. С. Тургеневу. После смерти писателя его друг певица Полина Виардо переслала талисман в Россию. Была здесь и пуля... маленький темный — страшный — шарик.

Рукописи, книги и личные вещи поэта, поступившие из учреждений и от частных лиц, составили уникальную экспозицию, но вместе с тем наводили на мысль о том, что все эти реликвии находятся в разных руках и могут со временем, меняя владельцев, затеряться, попасть в другие страны, погибнуть.

Поскольку со скульптурным монументом дела затянулись, то в Академии наук возникло предложение о создании своеобразного более масштабного памятника великому поэту — постройки особого Дома, организации, где бы собиралось все, связанное как с Пушкиным, так и другими знаменитыми русскими писателями. Чтобы там был и музей, и хранилище рукописей, книг, архивов.

Предлагались велеречивые названия, вроде: «Одеон имени Пушкина»... Остановились на простом и звучном — Пушкинский Дом. Было это уже в 1905 г. Своего дома у Дома пока не было, и он разместился в помещениях Академии наук на набережной Невы.

А первый подарок — портрет Анны Керн доставила сюда ее внучка. Слово бы привнесла в Пушкинский Дом вечно звучащие строки:

«Я помню чудное мгновенье...»

Поступлений и в последующие годы было много. Но что особенно занимало первых немногочисленных сотрудников Пушкинского Дома, так это приобретение одной крупной литературной коллекции пушкинского времени, находящейся в Париже, и покупка библиотеки поэта, той, что была в квартире на Мойке — переговоры об этом длились уже несколько лет.

«ПРОЩАЙТЕ...» И ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДРУЗЬЯ!

«Прощайте, друзья!» — оборотясь к книжным полкам, промолвил смертельно раненный поэт, словно предчувствовал, что его друзьям-книгам предстоят немалые испытания.

После ухода поэта библиотека, упакованная в ящики-тюки, нашла приют в кладовых Гостиного двора, а затем еще долгие годы кочевала по подвалам и именьям, пока в конце века не оказалась в сельце Ивановское под Москвой, хозяином которого был уже внук поэта Александр Александрович.

У Академии Наук с ним завязалась переписка — это уже был год Пушкинского столетнего юбилея. Осмотр одной из присланных книг убедил — есть страницы с пометами, сделанными рукой Пушкина. И вскоре, в сентябре 1900 г. ученый-пушкинист Б. Л. Модзалевский выехал на встречу с библиотекой.

Книги после 60-летних путешествий оказались в плачевном состоянии и требовали реставрации. От продажи библиотеки владелец отказывался, но разрешил для обстоятельного осмотра и описания книги отправить в Петербург. Почти пять лет ушло на постраничное обследование и опись библиотеки. Но труд был вознагражден бесценными находками автографов поэта на страницах книг и отдельно вложенных листках.



Имя о Пушкинском Доме.

Дом учрежден на благопамять
Александра Сергеевича Пушкина, для
хранения его наследия, как писателя и че-
ловека, а также для хранения
деловых бумаг представителей Рус-
ского учреждения, общества и
иных в Пушкинском Доме, оста-
вшегося государственное достояние
в Академии Наук.

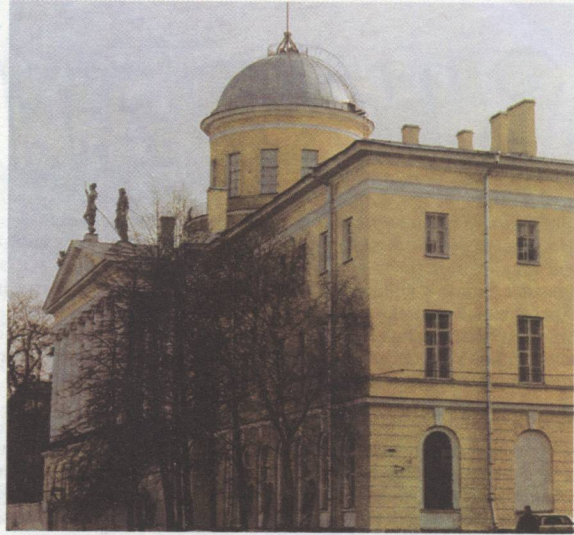


Рис. Е. Алексеевой

В 1906 г. Академия Наук купила библиотеку за 18 тысяч рублей. Теперь можно было быть спокойным за судьбу книг, и сказать: «Здравствуйте, друзья!»

Всех друзей-книг 3560, если считать по томам. А названий меньше 1522 — ведь есть собрания сочинений из нескольких томов. Больше половины книг на 16 иностранных языках. Вспомним, что Пушкин знал французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, латинский, греческий и несколько славянских языков.

Среди книг — художественная и историческая литература, труды философов, экономистов, этнографов. Медицинские сочинения, описания путешествий, астрономические трактаты. Есть издания с песнями и обычаями разных народов, о происхождении слов, теории шахмат. А еще — сказки и даже поваренная книга.

Самая старая книга — «Божественная комедия» Данте, 1596 г.; одна из уникальных — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева с пушкинской надписью: «Экземпляр бывший в тайной канцелярии. Заплачено двести рублей».

ЗАВЕЩАНИЕ ОНЕГИНА

В том, что у подъезда Пушкинского Дома зимой 1928 г. остановилась лошадь, запряженная в сани, ничего удивительного не было. У Академии Наук в то время другого грузового транспорта не имелось. А вот восемь привезенных чемоданов, которые переносили в здание с превеликой осторожностью, были загадочны. Их доставили из Парижа с дипломатической почтой от... от Онегина! Это имя повторяли сотрудники Дома, когда волнуясь, извлекали доставленное: автографы Пушкина, рукописи, ценные книги, редчайшие архивные документы.

Вскоре прибыл железнодорожный багаж в ящиках поменьше — книги, гравюры, портреты, в больших — даже старинная мебель — шкаф, секретер. В общем, литературный музей в полном комплекте. С одного из портретов смотрел и сам создатель музея Александр Федорович Отто-Онегин. Никто толком не знал его прошлого. В 1860 г. А. Ф. Отто покинул Россию, уехав в Париж. Но вдали от Родины страсть всей его жизни — любовь к поэзии Пушкина и собирание всего, что связано с именем поэта, не остыла. Он даже взял фамилию литературного героя — Онегина, образ которого был ему близок. Его коллекция год от года пополняется автографами, письмами, портретами, вещами не только Пушкина, но и других русских писателей. Трехкомнатная квартира Онегина на Елисеевских полях становится настоящим литературным музеем.

В 1925 году А. Ф. Отто-Онегин умер, завещав все свое состояние Родине, в том числе и немалые деньги — 600 тысяч франков. Имя его навечно вписано в историю отечественной культуры.

Часть привезенных из Франции материалов стали основой рукописного фонда, другая существенно дополнила экспозицию литературного музея Пушкинского Дома.

ИРЛИ —

— так сокращенно называют Институт русской литературы, образованный в 1930 году на основе Пушкинского Дома, — собрал за многие годы богатейшее рукописное наследие не только Пушкина, но и других замечательных русских писателей, а также свод древнерусских рукописей, коллекции звуковых записей русского народно-поэтического творчества, изобразительных материалов по истории литературы.

Все это бережно сохраняется. Пушкинские рукописи находятся в особой стальной комнате-сейфе, оставшейся со времен таможи, когда здесь хранили золото и прочие ценности. Библиотека Пушкина — в отдельном кабинете.

Исследования русской литературы здесь проводят на основе своих фондов, подлинных документов, рукописей, автографов. Только так можно подготовить многотомное академическое издание сочинений Пушкина, а затем и других писателей, и труды по древнерусской литературе и русской литературе последующих веков.

Литературный музей, открытый для посетителей, знакомит с такими выдающимися явлениями русской литературы, как творчество Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева. Здесь не только их автографы, страницы рукописей, портреты, но и личные вещи. Есть здесь и предметы писательского обихода прошлого века, которые требуют пояснения. Вот этой маленькой бронзовой лопаточкой посыпали мелкий песок на рукописный лист, чтобы промакнуть чернила. А этими особыми щипцами снимали нагар со свечи на письменном столе.

А где же музейная экспозиция, посвященная Пушкину? Где портреты, личные вещи? Да, многие годы они находились здесь. Но в 1953 г., после образования Всесоюзного Музея Пушкина, туда передали все, кроме рукописей и библиотеки Пушкина. То есть оставлено то, что представляет непосредственный интерес для исследовательской работы ученых-пушкинистов.

«ТИХО КЛАНЯЮСЬ ЕМУ...»

Сейчас, в дни празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, не раз прозвучат строки поэта Александра Блока, написанные еще в 1921 г.: «Имя Пушкинского Дома».

Многие, читая впервые это стихотворение, и не догадываются, что оно посвящено не этому зданию на Стрелке, а зданию Академии Наук на Неве, в котором тогда размещался Пушкинский Дом. На него смотрел поэт, заключив стихотворение:

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тему
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

И даже споткнувшись на строке «С белой площади Сената...»: как это можно видеть Пушкинский Дом от Медного всадника? Подумаешь: можно. Это образ, обобщение. Пушкинский Дом виден отовсюду!

О. Александров



ВИКТОРИНА-50

Сегодня, в дни пушкинского юбилея, наша викторина посвящается городам, местам, где побывал или где жил какое-то время Александр Сергеевич, событиям, связанным с его путешествиями.

Итак, сначала надо ответить на вопросы и выписать нужные буквы, затем определить, что за предметы изображены рядом с вопросами, и расположить названия этих предметов в алфавитном порядке. Тогда отгаданные буквы составят слово — название города, который Пушкин очень любил. Он писал: «Там долго ясны небеса. Там хлопотливо торг обильный свои подъемлет паруса: Там все Европой дышит, веет. Все блещет югом и пестреет...» Да что цитировать, эти строки из «Путешествия Онегина» многие, наверное, помнят.



1. Вот два неожиданных вопроса: 1) бывал ли А. С. Пушкин за границей? 2) принимал ли он участие в боевых действиях? Многие пожмут плечами: нет, конечно. За границу его не пускали, он все только мечтал там побывать, да и военным он не был. Но это не так. Поэт и за границей успел побывать и даже воевал. Было это в июне 1829 года. В то время шла война с Турцией. Пушкин просился в действующую армию, но получил отказ и решил сам отправиться к театру военных действий в Южную Армению. Все ему здесь нравилось — горы, вольный воздух, армейская жизнь. Встретил там много приятелей — Н. Раевского, лейтента товарища В. Вольховского, познакомился с генералом И. Ф. Паскевичем... Вместе с Нижегородским драгунским полком он выехал в направлении Карса, пересек границу с Турцией и двинулся южнее. После полудня 14 июня Пушкин находился в ставке и услышал звуки перестрелки. Никто не смог его удержать. Он вскачил на коня и помчался на передовую линию. Казаки аванпостов, как пишет очевидец, были в изумлении, увидев странную фигуру всадника в бурке, в круглой гражданской шляпе и с пикой наперевес (Пушкин взял ее у убитого казака), мчащегося навстречу неприятелю. Хорошо сообразили, выслали вслед майора Семичева, тот перехватил поэта и насильно вывел его из схватки.

Известен рисунок А. С. Пушкина — он мчится на коне с пикой наперевес. Но вообще об этой истории с конной атакой он старался молчать. И ни слова не написал в своих путевых записках, посвященных поездке на Кавказ. Как, кстати, они называются? Требуется первая буква третьего слова.

2. Из другого дальнего путешествия Пушкин вернулся в карете с занавешенными окнами. Она подкатила к самому крыльцу. Пушкин осторожно отодвинул занавеску — не видит ли кто его, достал большой платок, закрыл лицо, открыл дверь, быстро выскочил на тротуар и бежал в дверь своего дома. Наталья Николаевна, увидев мужа, не сразу его и узнала. А он первым делом устремился к зеркалу, а потом с хохотом бросился обнимать любимую супругу. Пушкин в дороге отпустил бороду! И хотел удивить и позабавить жену. Дело в том, что в те времена, в 20—30-е годы прошлого столетия, дворянам строго запрещалось носить бороды. Усы — можно было, бакенбарды, как у Пушкина — пожалуйста. А бороду — нет. Глупо, конечно. Так что Пушкин полюбовался своей бородой (представляете бородатого Пушкина?!), поудивлялся, посмеялся и быстро ее сбрил.

Но мы о путешествии. Тогда Пушкин ездил очень далеко, на Волгу и на Урал. Он собирал материал к своей книге о восстании Емельяна Пугачева. Был в Уральске, Бузулуке, Бердской Слободе, в которой когда-то располагался штаб повстанческой армии. Там Пушкину отыскали 75-летнюю казачку, которая помнила Пугачева. А завершил поэт свое самое восточное путешествие по России в городе Оренбурге. Следствием этой поездки была не только «История Пугачева», но и всем с детских лет известная повесть про Пугачева и Петрушу Гринева. Из ее названия, состоящего из двух слов, возьмем сразу две буквы — сначала вторую, потом первую буквы второго слова. Не ошибитесь!

3. Рассказывают, что крестьяне и уральские казаки не очень охотно беседовали с Пушкиным — им казалось странным, что барин так заинтересованно спрашивает про бунтовщиков против правительства и еще деньги за это платит — золотом! Да и внешность у него была необычная. Забавно, что многие решили, будто Пушкин «антихрист», потому что на руках у него «не ногти, а когти». Это от того, что поэт носил довольно длинные ногти (на взгляд простого человека — непомерной длины!) и очень ухаживал за ними. Одно время он даже надевал на мизинец левой руки особый футляр, чтобы не сломать отросший ноготь. Есть известный живописный портрет поэта — где он глядит спокойно, скрестив на груди руки, на шее повязан темный галстук, через плечо — пестрый то ли шарф, то ли плед, а сзади него скульптура музы с арфой в руке. И хорошо видно, что руки у него красивые, холеные, ухоженные, с длинными ногтями.

Вообще на прижизненных картинах, рисунках Пушкин очень разный. Какому изображению верить? Бесстрастных фотографий ведь нет. Совсем недавно было опубликовано еще одно изображение поэта, сделанное компьютером (он-то не ошибается!). Электронная чудо-машина совместила все прижизненные изображения поэта и сделала его усредненный портрет. Что ж, похож! И чем-то немножко отличается от всех остальных своих изображений. Это и неудивительно: все мы разные в разные годы и даже месяцы своей жизни. Но, посетовав на отсутствие пушкинских фотографий (получать изображения на слое серебра научились через два года после гибели поэта), взглядым еще раз в упомянутый выше — самый лучший, наверное, живописный портрет поэта, самый известный (теперь он в Третьяковке), с которым он не расставался и который ценил («Себя как в зеркале я вижу...»). Кто автор этого знаменитого портрета? Нужна седьмая буква.

4. В этом южном городе Пушкин провел три долгих года своей жизни. Долгих — потому что жил он там не по своей воле, а на положении сосланного. И эти годы были заполнены очень многими самыми разнообразными событиями. Он в этом городе влюблялся (и не раз — он был молод и влюбчив без меры!), стрелялся на дуэли (и отважно стоял под выстрелом, поедая черешню из картуза и равнодушно сплевывая косточки), был принят в масонскую ложу (тайно, в подвале, при свечах, с завязанными глазами!), познакомился с будущими декабристами (с Орловым, с Пестелем, которого через четыре года повесят в Петропавловской крепости), пережил землетрясение (и довольно сильное), водил дружбу с цыганами (с одним табором даже кочевал целый месяц), танцевал народные танцы («джок», например), выучил местный язык (отдельные фразы записывал у себя в комнате прямо на белой стене, чтобы быстрее разучить). И, конечно, сочинял стихи. Но самое главное — здесь 9 мая 1823 года он начал писать свое (и многих из нас!) любимое произведение — роман в стихах «Евгений Онегин». Итак, что это за город? Необходимо предпоследняя буква.

5. В столице Грузии Пушкин провел в мае-июне 1829 года всего две недели на пути в Армению. Но память у него от этого города осталась самая благодарная. Город показался необычным — пестрым, экзотическим: «По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы с запряженными волами перегораживали дорогу. Армяне, грузины, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ними молодые русские чиновники разезжали верхами на карабахских жеребцах». Поразили его знаменитые серые бани и искусство банщика Гассана. Конечно, привлекли внимание Пушкина местные базары, оружие, грузинские вина и грузинские песни. Само название города — Тбилис-калак, как пишет Пушкин, означает Жаркий город. А вопрос вот какой: как во времена Пушкина называлась грузинская столица? Подчеркните последнюю букву.

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ В № 4, 1999 г.

1. Кэрролл. Буква — «Р». 2. «Жуки». Буква — «К». 5. Лесков. Буква — «С». 6. Пчела. Буква — «П». Ключевое слово — ПРУСАК.
3. Муха. Буква — «У». 4. Антарктика. Буква — «А».

Победителем викторины № 3 стал Саша ТИХОНОВ из г. Данилова Ярославской области. Поздравляем!



«СЕГОДНЯ Я ЛЮБЛЮ, СЕГОДНЯ СЧАСТЛИВ Я»

За окном класса синее высокое небо, а рассеянный толстый профессор математики Карцов как ни в чем не бывало скрипит по доске мелом, записывая алгебраические задачи. Лицейсты заняты каждый своим делом: кто-то усердно переносит в тетрадь задачи с доски, кто-то готовит следующие уроки, а кто-то просто мечтает. Иван Пуцин украдкой поглядывает на своего друга, Александра Пушкина. Чем он занят? Неужели математикой? Профессор Карцов давно уже махнул на него рукой: пусть себе сочиняет стихи, это у господина Пушкина получается куда лучше, чем решение примеров. Пушкин нетерпеливо покусывает перо, мысли его далеко. Зато «бес стихотворства» — вот он, рядом. Вдруг, блеснув глазами, Александр стремительно начинает писать... Пуцин понимающе улыбается — его друг Пушкин тоже стал «сердечкиным». Так в Лицее называют всех влюбленных. Что же выходит из-под его пера? Пуцин осторожно заглядывает в тетрадь друга:

«Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!»

Так и есть. Четырнадцать лет, первая любовь. Настоящая, нет ли — никто из них не задумывается. Да и так ли это важно, когда любишь? «Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких, для молитв...» — напишет поэт позднее. Все к ногам того, кого любишь — и вдохновенье, и стихи, и молитвы. И «звуки сладкие», ведь «и любовь — мелодия».

Пройдет почти две сотни лет, и тем, кому сегодня четырнадцать, тоже будет не до уроков. И снова будут ложиться на бумагу признания:

«Мне 14 лет. И все эти 14 лет я жила весело, была счастлива каждую минуту, учила уроки и оценки получала приличные. Теперь все изменилось, я съехала на тройки. А дело в том, что я влюбилась. И не просто влюбилась, а всегда думаю о нем. И больше времени ни на что другое не хватает — забросила все: уроки, уборку квартиры, вооб-

ще все. Дефицит времени просто какой-то! Вы верите в любовь с первого взгляда? Я раньше не верила, думала, что бред. Но теперь знаю — бывает! Но у меня все вышло не так. Когда я его увидела в первый раз, то поняла, что он очень умен. А я, между прочим, тоже не дуручка — коэффициент интеллекта 95,4%. А на следующий день, когда снова его увидела, то поняла, что влюбилась! Знаю, что вы мне ответите: мол, это не любовь, а просто я как Ромео до того, как встретит Джульетту. Что любовь — возвышенное чувство, что я просто хочу любить кого-то и так далее. Если вы так думаете, то вы не правы! Я люблю его, а по-настоящему или нет, не могу ответить. Как, впрочем, и любой человек. Потому что никто не знает, какая любовь настоящая-то. По-моему, когда любишь — это и есть настоящая любовь. Я его люблю, я счастлива. А еще я верю, что когда-нибудь, может, не сразу, но он тоже полюбит меня. Твоя читательница Расана, Магнитогорск.

«И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И все языком, сердцу внятном,
О нежной страсти говорит...»

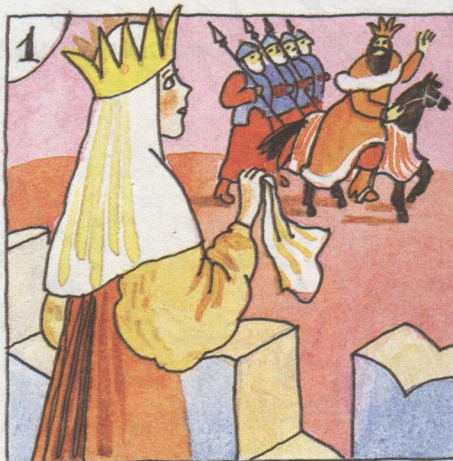
Знакомое состояние? Строки эти Пушкин посвятит уже другому предмету обожания, сестре своего лицецкого товарища Екатерине Бакуниной. И так же искренне, как в первый раз, будет верить, что эта любовь — настоящая. А ведь когда любишь, только так и бывает. «Сегодня я люблю, сегодня счастлив я!» — божественный дар юности, у которой еще столько всего впереди! Разве мог Александр Пушкин, уже год проучившийся в Лицее, знать, что в это самое время в семье Гончаровых появилась на свет дочь Таша — будущая красавица Наталья Николаевна. Они встретятся только через шестнадцать лет, и эта встреча станет главной в жизни поэта, изменив весь ход его судьбы.

Н. Юрьева

Рис. О. Граблевской

МОРСКОЙ ЦАРЬ и Василиса Премудрая

Эту сказку няня Арина Родионовна рассказала Пушкину в селе Михайловском. Александр Сергеевич очень кратко записал ее. Правда, в рассказе няни и конспекте, сделанном Пушкиным, есть некоторые разночтения с представленной сказкой из сборника А. Н. Афанасьева. Например: Иван Царевич встречает старика, а не старушку, прилетают утки вместо голубиц, царевну зовут Марья, а не Василисой Премудрой...



Жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям.



На ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает. Как-то в пути напала на него жажда великая. Подъехал к озеру, слез с коня и давай глотать воду. А царь морской ухватил его за бороду.



Царь подумал-подумал — кажись, все знает, и согласился. Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами.



Стали они жить по-старому, а царевич растет себе да растет, и вырос большой. «Сколько ни держат при себе, — думает царь, — а отдавать надобно». Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.



Царь повернул домой, а царевич стал искать перстень. Идет по берегу, а навстречу ему старушка.



И пошла старушка в сторону. А Иван-царевич пораздумался: «За что обругала я старушку?»



Горько заплакал Иван-царевич. Но старушка решила ему помочь.



Вдруг прилетают двенадцать голубиц: ударились о сырую землю и обернулись красными девицами. Поскидали платья и пустились в озеро. Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица: обернулась красной девицей, сбросила сорочку и пошла купаться; и была она всех красивее! Подкрался Иван-царевич и унес ее сорочку. Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки.



Сестрицы — красны девицы ударились о сырую землю, сделались голубицами и полетели прочь. Осталась одна девица.



Только сказала она последнее слово, показала Иван-царевичу. Подала она ему золотое колечко и стала ему пенять за то, что он долго не приходил к морскому царю.



Приходит Иван-царевич к морскому царю. Закричал на него морской царь и приказал сначала за одну ночь сровнять все рвы и буераки и засеять рожью, чтобы к утру она выросла, потом за один день обмолотить всю чисто-начисто. С помощью Василисы Премудрой выполнил Иван-царевич эти задания.



— ТЕПЬ ВЫ ПЧЕЛЫ-
РАБОТНИЦЫ! ВСЕ ДЕ-
ГИТЕ СЮДА И СДЕЛИТЕ
ИЗ ВОСКУ ЦЕРКОВЬ,
ЧТОБЫ К УТРОУ
БЫЛА ГОТОВА!

12



— УГОДИЛ ТЫ МНЕ,
ИВАН-ЦАРЕВИЧ! БУДЬ
МОИМ НАСЛЕДНИКОМ И
ВЫБИРАЙ ЛЮБУЮ
ИЗ ДОЧЕРЕЙ МОИХ
В ЖЕНЫ.
— ВЫБИРАЮ
ВАСИЛИСУ
ПРЕМУДРУЮ!

13



— ХОЧУ НА
СВЯТУЮ РУСЬ!
— ЧТО ТАК
ГРУСТЕН
ИВАН-
ЦАРЕВИЧ?

14

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску и пошел к морскому царю с докладом.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям.



15



— МОЛОДЫЕ
УБЕЖАЛИ!

16



— ЗНАЮ ЧТО ВЫ
УТКА И СЕЛЕЗЕНЬ
А Я ОБЕРНУСЬ
ОРОМ!

17

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день приходят слуги молодых подымать, во дворец звать, а слонки за них отвечают, что еще рано. Несколько раз приходили посильные, пока не выломали двери и не увидели, что в тереме пусто.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут без остановки. Три раза посылал за ними погоню морской царь, и каждый раз Василиса Премудрая их обманывала. Наконец, сам морской царь за ними скачет. Оборотила Василиса Премудрая коня озеро, Ивана-царевича селезнем, а сама сделалась уткой.



18



19

— ТЫ МЕНЯ ЗАБУДЕШЬ
ВСПОМНИ ОБИ МНЕ ХОТЬ
ТОГДА, КАК СТАНУТ
ДВА ГОЛУБКА В ОКНА
БИТЬСЯ!
— ПОДОЖДИ МЕНЯ
В ЭТОМ ЛЕСОЧКЕ, Я
ДОДОЖУСЬ НАПЕРЕД
ОТЦУ, МАТЕРИ.



20

Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не смог сделать. Поскакал в свое подводное царство, а молодые поехали на святую Русь.

Пришел Иван-царевич во дворец; увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую. Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне.



21



22

— ПОСЛАТЬ ГОН-
ЦОВ ВО ВСЕ КОНЦЫ
И РАЗЫСКАТЬ
ВАСИЛИСУ
ПРЕМУДРУЮ!



23

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Слепила из теста голубков и посадила в печь. А потом открыла ее, отворила окно — и в ту же минуту голуби встрепнулись, полетели прямо во дворец.

Начали голубы биться в окна: ничем их отогнать не могли. Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую.

Нашли Василису Премудрую у просвирни; взял Иван-царевич Василису за руки белые. Привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить, да поживать, да добра наживать.

Рис. Л. Угальской



Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

СТИМБОТ НА НЕВЕ

В нескольких номерах этого года накануне нового столетия журнал рассказывал о великих открытиях XX века. О самолетах, ракетах, лазерах. А тут — обращение в XIX век? Почему мы это делаем — понятно. Хотелось на страницах, посвященных юбилею поэта, заглянуть в его век: чему был свидетель Пушкин? А разговор о великих открытиях нашего XX мы продолжим в следующих номерах. О телевизорах, компьютерах, пластмассах, атомной энергии... Всего этого не было и в помине в пушкинское время. Даже электричество, уже открытое как физическое явление, не имело практического применения. Хотя бы для освещения улиц.

Например, в Петербурге — тогдашней столице — допотопно освещались улицы масляными фонарями. Вечерами множество фонарщиков ждали сигнала — поднятия красного фонаря над пожарной каланчой в своей части города, обходили фонари с ленткой, взбирались, укрывались рогожей от ветра и зажигали фитили с конопляным маслом от свечи. В тридцатые годы в центре появилось газовое освещение. И Пушкин мог это видеть.

Да и транспорт был все тот же — конный. Оживленно обсуждала публика появление первых омнибусов — городских карет, запряженных четверкой лошадей, ходивших по расписанию несколько раз в день от Невского проспекта до загородной местности. Кондуктор трубой подавал сигнал, кучер трогал, и двенадцать пассажиров внутри, по шесть в двух отделениях, и столько же на империале — открытой площадке на крыше — отправлялись в путь. От желающих проехаться отбою не было.

А для поездок на дальние расстояния — пожалуй-те в «поспешный» дилижанс. Это многоместная карета с той же четверкой лошадей, но уже без империала. По шоссе между Петербургом и Москвой, а оно как раз после семнадцати лет строительства было закончено к началу тридцатых годов, Пушкин путешествовал. Расписание дилижансов публиковалось в ежегодниках, и на места записывались заранее. Восхваляя эти виды передвижения, газета писала: «Наш век не без основания называют веком промышленности житейской. Сколько придумано удобств, сколько новых средств к сближению людей... к сокращению времени и пространства!»

Видимо, состояние дорог было для того времени темой важной, впрочем, как и сейчас, поэтому в романе «Евгений Онегин», говоря о будущем «лет через пятьсот» поэт отмечал:

*...дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,*

Предвиденье, прямо скажем, не такое уж фантастичное. Вспомним, что тогда на Неве были только сезонные наплавные мосты, настилаемые на баржах-плашкоутах. А берега малых рек, таких как Мойка, Фонтанка, соединяли постоянные каменные и деревянные мосты. Первым чугунным в 1806 году стал Полицейский мост на Невском. Что до подземных тоннелей, то поэт мог знать о каких-то проектах. Может быть, о замысле тоннеля под Ла-Маншем, грандиозном по тем временам и осуществленным уже в нашем веке.

Настоящие удивительные для того времени открытия, внедряемые в жизнь, тоже были. Не зря в пушкинском стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» говорится «сей век железный». Этот эпитет обобщал сразу несколько понятий: железные дороги, железные паровые машины и железные суда — главные символы девятнадцатого века.

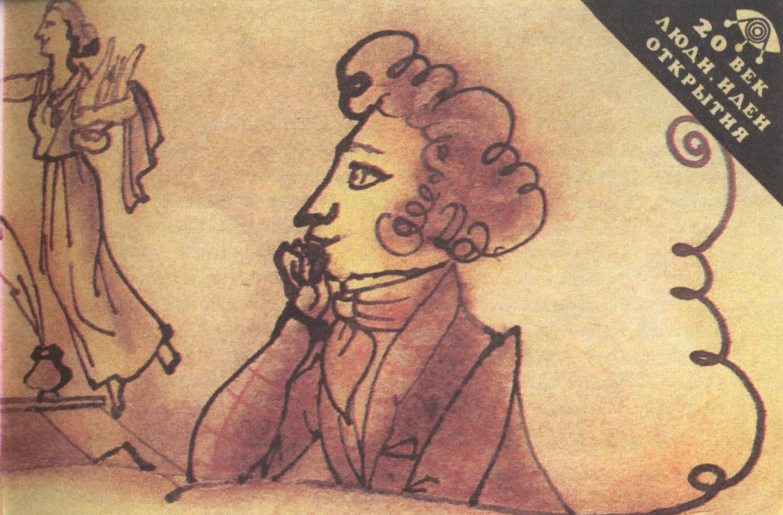
В 1814 году журнал «Сын Отечества» напечатал статью «О стимботах или паровых судах американских», сообщая об изобретении Фултоном парохода. А через год журнал поведал уже о «Стимботе на Неве», в чем можно было убедиться воочию.

Это судно представляло собой небольшую баржу (или большую лодку) метров 20 длиной, в трюме которой была установлена паровая машина. По бортам крутились два колеса, укрытые деревянными футлярами. Топили дровами. Высокая — около 8 м дымовая труба при попутном ветре служила мачтой для возможного поднятия паруса. Скорость в 10 верст в час казалась удивительной.

В 1815 году создается заводчиком Ч. Бердом и первое пароходство. Но пароходы называют уже не на английский манер стимботами, а пироскафами (в переводе с греческого: пир — огонь, скафос — судно).

Первый настоящий русский пироскаф «Елизавета», отчаянно дымя и стуча колесами, двигался по Неве, приветствуемый толпой любопытных: «Смотрите, смотрите, сам идет, без парусов!» Был выпущен и второй, и третий пироскаф, прозванные по имени изготовителя «бердовыми машинами». Установились регулярные, два раза в сутки, рейсы в Кронштадт, на что уходило три с половиной часа. Современники восторгались: «Одно из чудес нашего века!» Журнал утверждал: «Не трудно исчислить, какое влияние иметь будет сие сбережение сил и лошадей на земледелие и ремесла! Конечно, надобно много времени, трудов и попечений для общего введения сего изобретения».

Известно, что Пушкин совершил несколько поездок до Кронштадта и замышлял вместе с Крыловым, Грибоедовым и Вяземским добраться на пироскафе до Лондона. Последний отметил: «Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег...» И в автобиографическом отрывке 1830 года Пушкин пишет: «...Уже вообразил себя на



пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, несут чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся...»

В 1831 году, к тому времени уже называемые парходами, суда связали наши порты на Балтике с остальной Европой.

Еще при жизни Пушкина начиналась прокладка первой российской железной дороги от Царского Села до Павловска. Пробные поездки были пока с лошадиной тягой. Публику удивляло, что всего две лошади, запряженные «гусем», тянули вагон и открытый шарабан, где сидело шестьдесят человек!

Открытие первой Российской царскосельской железной дороги, соединившей рельсами Петербург и Павловск, 30 октября 1837 г., Пушкин уже не видел. А зрелище было торжественным и впечатляющим. К паровозу кроме 8 пассажирских вагонов, украшенных флагами, были прицеплены и открытые платформы с домашним скотом и строительными материалами — это показывало возможности железной дороги по перевозке грузов. Толпы горожан разных сословий стояли по обеим сторонам пути, а иные смельчаки выскакивали даже на рельсы перед идущим паровозом. Скорость состава была невелика: верста за две минуты, а то и меньше, поскольку дорога была однопутной, обратный путь паровоз проделывал, толкая вагоны перед собой. Первые месяцы паровоз «работал» только по воскресеньям, в будни вагоны тянули лошади. Восхищение от поездок было всеобщим. «Это, право, что-то похожее на чародейство! Слышите ли оглушительный, дикий рев огненного коня, застилающего путь густой пеленой! Нельзя себе представить ничего более величественнее этой силы, непреодолимой и вместе с тем послушной, которая несется быстрее ветра...» К концу века железные дороги протянулись по многим губерниям, без них не представить и сегодняшнюю жизнь.

Но вернемся к парходам — пироскафам — стимулам, к тому, что уж точно видел Пушкин. После поездок на них многие современники задумывались и высказывались о будущем, предполагая развитие науки и техники. Можно было сказать так, как неизвестный Фаддей Булгарин: «Кто знает, как высоко поднимутся науки через сто лет, если они будут возвышаться в той же соразмерности как доселе!»

Пушкин, не впряжась после плавания, но несомненно с учетом своих впечатлений, напишет несколько поэтических строк, найденных в его черновиках и ставших эпиграфом ко всем открытиям времен будущих:

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...*

С этого поистине гениального четверостишия мы и начинали в «Костре» рубрику «Великие открытия XX века», которую продолжим в следующих номерах.

О. Васильевский

«ИЗ НАСЛАЖДЕНИЙ ЖИЗНИ
ОДНОЙ ЛЮБВИ
МУЗЫКА УСТУПАЕТ...»

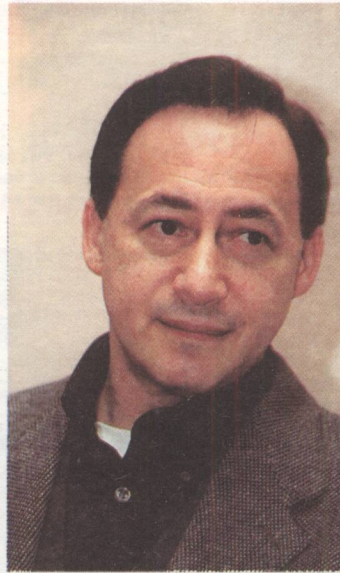


Фото Славы ГУРЕЦКОГО

Звучит Пушкинский вальс Прокофьева. Плывут над залом волшебные звуки музыки, улекая слушателей в романтическую эпоху «божества и вдохновенья»... На сцене — всемирно известный оркестр «Виртуозы Москвы». А это значит — яркое мастерство, самобытное исполнение, воодушевленные лица музыкантов. И, как итог, бережное, полное донесение до зала смысла музыкального произведения. Они — виртуозы.

— Виртуоз — слово латинское, — говорит руководитель оркестра, знаменитый скрипач, дирижер Владимир СПИВАКОВ. — Оно соединяет в себе сразу три понятия: силу, доблесть, талант. Наш оркестр возник двадцать лет назад, за это время многое изменилось. Неизменным остались наше отношение к музыке и требования к исполнителям. Я очень счастлив, что в оркестр пришли молодые люди с горящими глазами. Они постоянно репетируют, учат какие-то партии, на их увлеченность приятно смотреть. Надеюсь, что «Виртуозы Москвы» будут жить благодаря новому поколению и в XXI веке.

— Но, говорят, что интерес к классической музыке у молодежи значительно упал.

— Я верю в популяризацию серьезной классической музыки у молодого поколения. Среди моих друзей много российских педагогов. Они рассказывают, что, несмотря на развитие коммерческой и авангардной музыки, многие молодые люди с удовольствием разучивают Бетховена, Чайковского, Моцарта, Рахманинова и других известных классиков. И успешно исполняют их на сцене.

— Что Вы можете сказать о своих сегодняшних слушателях?

— Интерес к музыке, которую мы играем, есть во всем мире. «Виртуозы Москвы» много гастролируют. Так уж получается, что чаще услышать нас можно за границей. Но интересно, что на концертах в Европе, Америке, Австралии наша аудитория почти наполовину состоит из выходцев из России. Мы даже шутим: «Не предполагали, что в любой точке мира на концерте можно встретить столько русских зрителей!»

— Отличается ли подход к искусству у нас и на Западе?

— За границей все поставлено на коммерческие рельсы. И искусство тоже. Фирмам-организаторам концертов главное, чтобы билеты покупались любой ценой. Качество культуры страдает. Отсутствует служение искусству как таковому. Когда я преподавал в нашем училище Гнесиных, то всегда переживал из-за больших групп — мало времени отводилось каждому ученику. На Западе то же самое, но там сами учителя стараются набрать группы побольше, чтобы больше зарабатывать. А ведь страдает качество передаваемых знаний.

— А когда Вы сами стали учиться музыке? У Вас музыкальная семья?

— Моя мама, Екатерина Осиповна, была пианисткой в Ленинградской консерватории. Музыка в доме звучала всегда. После окончания войны мы вернулись из эвакуации, и меня стали учить игре на скрипке. Тогда мне было 6 лет. Потом музыкальная школа при консерватории Ле-

Рис. Н. Якубовской

нинграда, после — центральная школа при Московской консерватории. В 1970 году окончил Московскую консерваторию по классу скрипки у Ю. И. Янкевича, стал солистом Московской филармонии. Сегодня две моих дочери, школьницы, помимо общеобразовательной школы берут уроки фортепиано у педагогов в Париже, где мы живем. Они знают три языка и пробуют сочинять музыку для фортепиано. Так что семья в полном смысле слова музыкальная.

— В прошлом году в филармонии Петербурга состоялись гастролы «Виртуозов Москвы». Ваши впечатления, Ваши новые планы?

— Петербург, Ленинград всегда был городом высокой культуры, готовящим замечательных артистов, композито-

ров, музыкантов. Ленинградская артистическая школа считается лучшей. Очень люблю филармонию, там всегда теплая, искренняя обстановка, вышедшая из прошлого века и сохранившая трепетное отношение к высокому, царившее в XIX столетии, в эпоху Пушкина. Для меня Пушкин — любимый поэт, и в год его 200-летнего юбилея «Виртуозы Москвы» надеются принять участие в программах, посвященных чествованию поэта. Думаю, среди слушателей будут и молодые, увлеченные музыкой люди, которые потом придут в наш оркестр. Возможно, и среди тех, кто будет читать этот номер журнала «Костер», есть будущие музыканты «Виртуозов Москвы».

С маэстро Владимиром СПИВАКОВЫМ встречался Кирилл ЛЕВКИН



КРОССВОРД С ПОДСКАЗКАМИ

«Пушкину посвящается»

В кроссворде записаны фамилии поэтов, стихи которых, посвященные А. С. Пушкину, приведены ниже. Фамилии записаны по ломаной линии под прямым углом. Выделите каждую фамилию (в тексте подсказок в скобках указано количество букв в фамилии), а из оставшихся в таблице букв сложите слово, которое обычно используют как название одного стихотворения А. С. Пушкина, хотя сам он опубликовал его без названия.

А	А	В	Е	Е	В	А
Н	К	Ц	Т	А	К	С
И	Л	М	А	Я	М	А
Т	Г	Т	О	К	О	Й
В	Е	Ю	В	С	К	Л
А	Ч	Т	П	Я	И	Й
Х	М	А	Ы	З	И	В
И	У	Д	К	О	Г	Ь
И	Л	Г	А	В	Е	Л
Н	А	Т	Ф	Н	Д	Е
С	И	Н	Я	А		



1. «Поэтической дружины
Смелый вожьд и исполни!
С детства твой полет орлиный
Достигал крутых вершин».
2. «Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением».
3. «Судьбы и времени сего
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!».
4. «О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!».
5. «Счастливы, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!».

6. «Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вслед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!»
7. «Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой».
8. «Вся его наука —
Мощь. Светло — гляжу.
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу».
9. «И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
"Онегина" воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной».
10. «Я люблю вас,
Но живого,
А не мумию».
11. «МИХАЙЛОВСКОЕ»
«Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.
Всю ночь до самого света,
Пока не стало светло
Качалось сердце поэта —
Кипело, пело, текло».
12. «И Пушкин ласково глядит,
и ночь прошла, и гаснут свечи,
и нежный вкус родимой речи
так чисто губы холодит».
13. «Как многолик певец творенья —
Вот гениальности пример.
Но как едино вдохновенье,
Как в нем слились в одно мгновенье
И слезы, и стихи, и Керн».

ПОДСКАЗКИ: 1. Князь, участник Бородинского сражения (9). 2. Лицейский друг Пушкина (7). 3. Однофамилец великого русского композитора (6). 4. Он познакомился с Пушкиным, когда поэт отбывал ссылку в Михайловском (6). 5. Лирик, служил дипломатом (6). 6. Автор поэмы «Двенадцать» (4). 7. Поэт, стихи которого «Клен ты мой опавший» и другие стали песнями (6). 8. Поэтесса трагической судьбы (1892—1941) (8). 9. В июне отмечается 110-летие со дня рождения этой поэтессы (8). 10. Называл себя «агитатором, горланом, главарем» (10). 11. Поэт, участник Великой Отечественной войны (8). 12. Современная поэтесса (10). 13. Московский артист театра и кино (4).

Составила Л. Андреевская

ОТВЕТ НА ЗАДАНИЕ В № 5, 1999 г.

1. С. Орлов. 2. Б. Окуджава. 3. О. Берггольц. 4. Д. Самойлов. 5. Н. Старшинов. 6. А. Фатьянов. 7. Ю. Друнина. 8. А. Сурков. 9. К. Кулиев. 10. К. Симонов. 11. А. Твардовский. 12. А. Яшин. 13. П. Коган. 14. К. Ваншенкин. 15. И. Уткин.



ПЕРЕСТАНОВКА

Более полустора года прошло с тех пор, как Пушкин написал это произведение, но до сих пор стоит на том же самом месте домик на Киевском шоссе, что идет из Петербурга и пересекает Лугу.



В клетках этой фигуры было вписано название известной повести. Затем фигуру разрезали на семь равных частей. И поменяли части местами.

Восстановите текст.

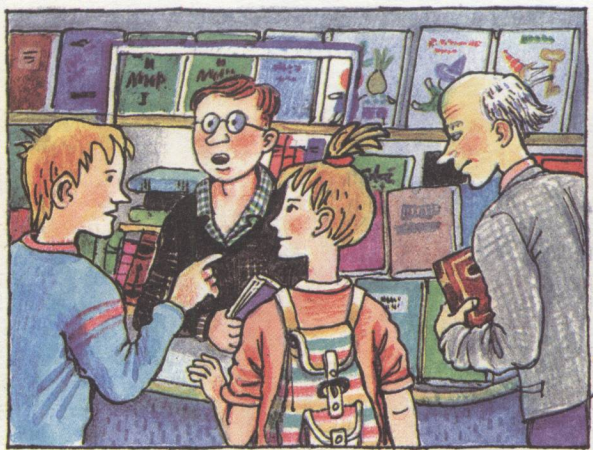
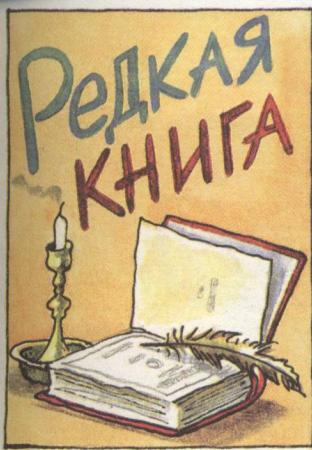
Составил Н. Садовый



ОТВЕТ

на задание конкурса юных детективов в «Костере» № 5, 1999 г. «ПРОПАЖА...»

«А была ли в футляре скрипка?» — вот какими сомнениями поделился с дядей Иннокентий. Действительно, это дорогой и очень хрупкий инструмент. И скрипач, уронив скрипку, первым делом должен был, открыв футляр, взглянуть, а что с ней произошло? Он этого не сделал, так как футляр был, очевидно, пуст. Опасаться, что скрипка могла быть повреждена, было нечего. Да и как на глазах у всех открыть пустой футляр? Вероятно, эту «пропажу» скрипач-конкурсант готовил заранее.



1. Проходя мимо книжного лотка, Иннокентий Спектров — наш Инспектор — с сестрой Инной, остановились, чтобы посмотреть книги. Их интересовала художественная литература. У одного из друзей скоро день рождения — может быть, что-то купить?

2. Стоящий рядом пожилой мужчина обратился к Иннокентию, спросив, не интересует ли его редкая книга: прижизненное издание Пушкина.



3. Брат и сестра при участии мужчины-продавца внимательно рассматривали книгу. У их приятеля хорошая библиотека, но такого издания наверняка нет.

4. Посмотрели книгу и внутри. Страницы были в целости и сохранности.

5. И все же покупка не состоялась.

Почему Иннокентий отказался от покупки? Что его смутило? За правильный ответ — 15 очков.



ЧЕМПИОНАТ — 99

ШАХМАТЫ

А. Белые: Кра8, Кб8, пп.а6, а7, с5, с6, г4. Черные: Крс7, п.н3.

Б. Белые: Крд8, Ле8, п.н7. Черные: Кра1, Фг7, Ле3.

Цель разведки: 1) в А несмотря на большой материальный перевес, белым нужно стараться спастись от поражения. Так? Надо определить, могут ли они спастись; 2) в Б тоже — надо определить, удастся ли белым спастись от поражения.

ШАШКИ

А. Белые: а1, б6, д6, е1, е7, н2. Черные: а3, а7, б4, е3, ф4, н4.

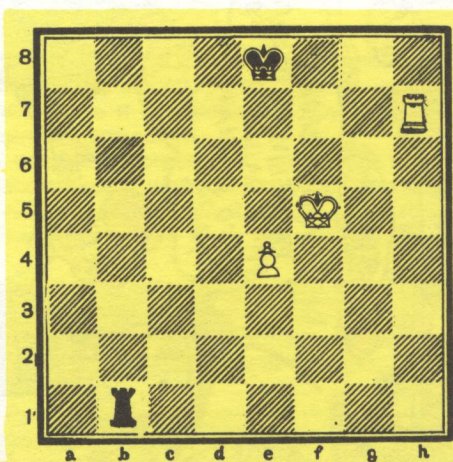
Б. Белые: а5, б6, д4, е1, г1, н6. Черные: а7, д6, д8, ф4, ф6, н8.

Цель разведки: автор этих позиций — москвич М. Вал — спрашивает, можно ли, играя в них белыми, взломать оборону, созданную противником, и добиться победы.

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Может ли обладатель ладьи и пешки выиграть у обладателя лишь только ладьи в таком, как тут, на диаграмме, или в подобном положении?

— Нет! В позиции на диаграмме (или в подобной) при правильной защите слабой стороны одолеть ее обладатель



ладьи и пешки не сможет. Игра должна закончиться (повторяю: при правильной защите!) ничьей. В чем же заключается эта «правильная защита»? Рецепт ее известен с очень давних пор — его еще в XVIII-м веке дал великий французский шахматист Франсуа Андре Филлидор: ладья-одиночка (тут — черная) должна стать на шестую линию, не пуская туда вражеского короля, а когда на эту линию ступит пешка, ладья-одиночка должна немедленно отправиться вниз и начать шаховать оттуда неприятельского короля. Вот каков примерный ход событий:

1. е5 Лб6! 2. е6 Лб1! (пешка ступила на шестую линию, и ладья сразу же отправляется туда, откуда сможет бомбардировать шахами белого короля, т. е. вниз) 3. Крб6 (если 3. е7, то Лел4. Крб6 Лбб1) 3... Лф1+ 4. Кре5 Лел+ и т. д. — ничья.

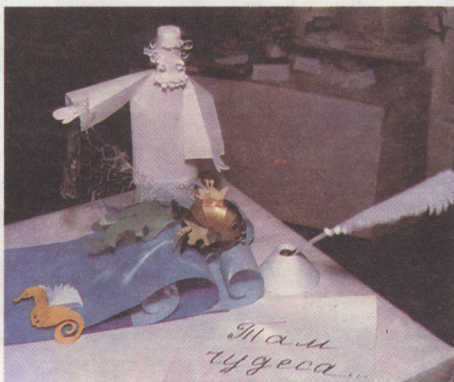
БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так: Чемпионат. ШХМ. А. Условия требуют объявить мат в три хода. Это достигается несмотря на то, что черный король находится не на какой-нибудь из крайних линий, а почти в центре доски. 1. Кс7! Конь отнимает у черного короля выход на поле е6, но зато предоставляет ему «для прогулки» поле с5. И что же получается? Два варианта: а) 1... Крс2 2. Cd2, и при любом ответном ходе мат будет дан; б) 1... Кре5 — ход в самый центр, но... и это не помогает черному королю отсрочить мат: следует 2. Фд5+ Крб6 3. Фебх. Б. Здесь мат в три хода обеспечивается «прыжок» ферзя через всю доску по диагонали — 1. Фh8! Теперь никакой из возможных вариантов игры черных не спасает их от трехходового мата: если 1... Са7+, то 2. Сб6+ Сб8 3. Фh1х; если 1... Се5, то 2. Фh1+ и 3. Фб7х; если 1... Кра7, то 2. Фб2 с угрозой 3. Фб7х, а при 2... Краб следует 3. Фб6х. ШШ. А. Белые проводят выигрывающую комбинацию так — 1. б6! 2. ф2! 3. е3 а4. б6 е3, и возникает оппозиция в их пользу. Б. 1. б6! 2. б4 3. г5, и после 3... ф6 следует 4. ф4! е1 5. г5 и 6. ф2х. Возьмите ход обратно. Тут позиция решается так: полагаем, что последним ходом белых было h4:a5 (то есть их дамка стояла на h4, а на g3 и c3 стояли черные простые). Этот сделанный ими ход белые берут обратно и вместо него бьют по-другому — h4:a7х.

ПРИКАЗ № 5

§ 1. Рапорты по Чемпионату отправить в течение месяца со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал ФЕРЗБЕРИ



Здравствуй! Сегодня мы поговорим о моделировании из бумаги. Ты, наверное, сразу представила макеты самолетиков, машинок, кораблей? Но из бумаги можно делать не только это! Посмотри на фотографии, правда — здорово? На выставке «БУМАЖНАЯ ВСЕЛЕННАЯ», которая проходила в конце мая в Городском центре детского технического творчества Санкт-Петербурга, можно было увидеть и не такое! Морское дно с затонувшим парусником, огромные сверкающие куклы в рост взрослого человека, динозавры, затерянные острова, цветочные композиции, летающие тарелки... Всего, что сделали ребята из бумаги, и не перечислишь! И,



конечно, много работ было посвящено Александру Сергеевичу Пушкину и героям его книг. Надеюсь, ты узнала поэта в одной из работ. Кстати, может быть, ты тоже умеешь моделировать из бумаги или из других материалов? Тогда — пиши. А если не умеешь, не огорчайся, в ближайших номерах я обязательно тебя научу! Пока!



Фото А. Чернова

ЕВДОКИМОВА Аня, 3 кл. «Золотой петушок», ХОДЖАКОВА Маша, 5 кл. «Звездочет». Компьютерный центр технического творчества Московского района.

ФАЙЗУТДИНОВА Тая, 5 кл. «Там чудеса...» Московский район.

КРЯЧКОВА Наталья, 12 лет, АЛЕКСЕЕВА Мария, 13 лет. «Пушкин и Наталья Николаевна». ДДИЮТ Центрального района, студия «Дизайн-кукла».

СОКОЛОВ В., СОКОЛОВА А., 12 лет. «Белка там живет ручная...», ДДТ «Юность».

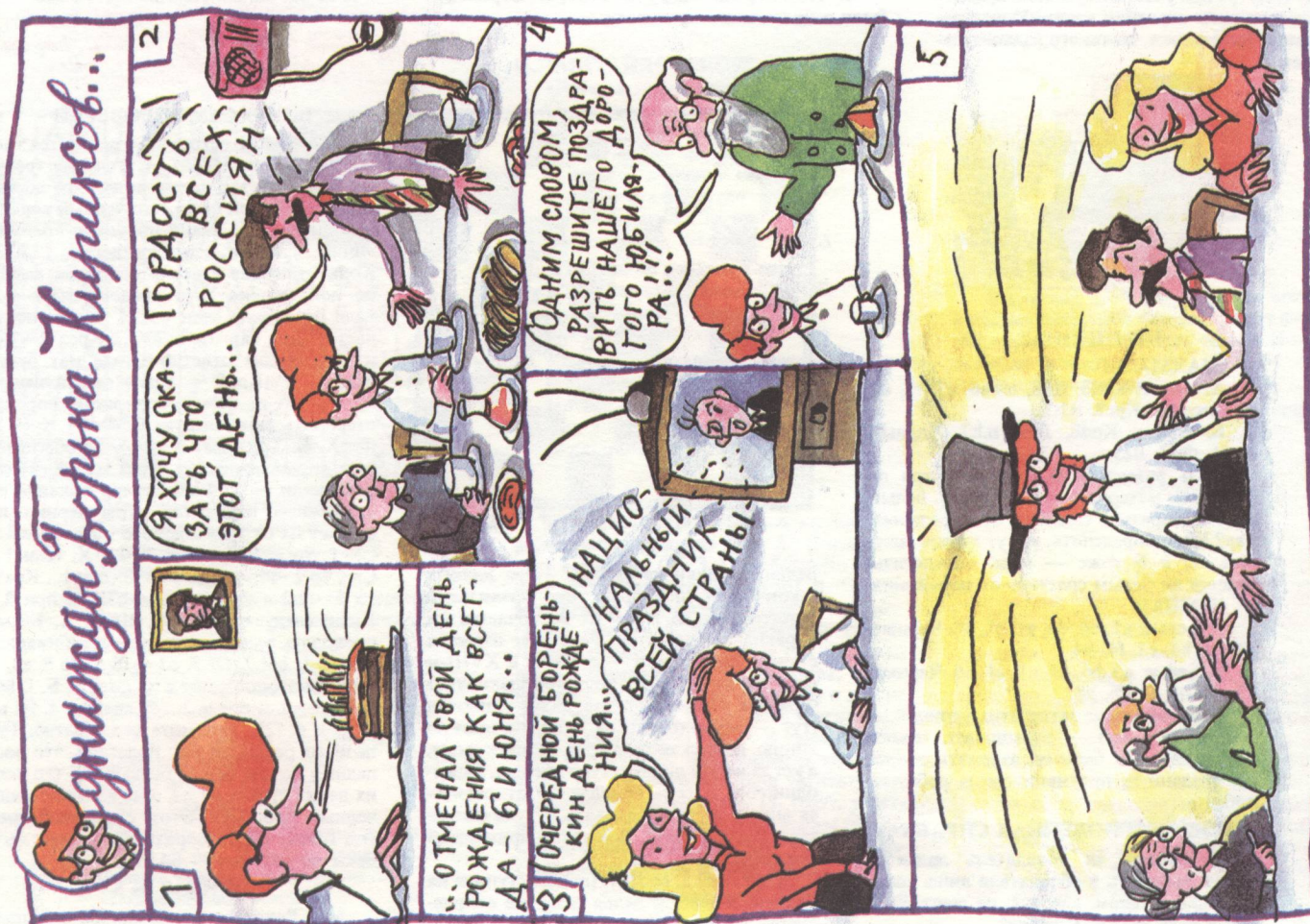


Рис. Ю. Александрова

ИЮЛЬ: Праздники большие и маленькие

В древности на Руси у будущего месяца имелось несколько имен. Во-первых, липец — по времени цветения лип. Во-вторых, червец, потому что в июле собирали насекомых — червецов, используемых для изготовления красной краски. В-третьих, седмик, седьмой. Он был косень и косач: пришла пора сенокоса; светозарник — начинают ведь косить на ранней заре; он — сеностав: скошенное сено надо сгребать и складывать в стога; жарник — такая уж в это время погода; грозовик — из-за частых ливневых дождей и гроз. Еще одно древнее название — солнцеворот. И действительно: ученые подсчитали, что когда-то, несколько тысячелетий назад, летнее солнцестояние приходилось на июль. Теперь это не так, но все равно дат, которые хочется отметить, в июле предостаточно.

1 июля. Всемирный день архитектуры. В нашем городе, который строили Растрелли и Росси, Кваренги и Захаров, Воронихин и Баженов, его хочется отметить особенно торжественно.

3 июля. Есть свои архитекторы и в природе. Взять хоть пауков — как ловко и красиво плетут они свою паутину! Люди всегда ценили их талантливую работу. День святого Мефодия прозван в народе «паутинным» — считается, что 3 июля пауки с наибольшей активностью занимаются строительством. Кстати, в этот день по паучьей паутине можно предсказывать погоду на будущее. Если сетей мало — жди дождя или бури. Если паутинки висят и там, и тут — погода дня через четыре будет замечательной.

7 июля. Хочется надеяться, что в паутинный день маленькие архитекторы изготовят много паутинных строений. Потому что всем, конечно, хочется, чтобы в Иванов день стояла хорошая погода. Ведь на Ивана Купалу издавна существовал обычай купаться в реках и озерах и обливать водой встречных-поперечных, независимо от пола и возраста. Такая обширная программа праздника чревата, конечно, травмами: «На Ивана Купалу прибьют, кого попало», — говорили в народе.

10 июля. Кого попало — это, конечно, не очень хорошо. Но бывают битвы необходимые и прославленные в веках. 10 июля 1709 года, 190 лет назад, российские войска под командованием Петра Первого одержали под Полтавой победу над шведской армией Карла XII; теперь эту дату мы отмечаем как День воинской славы России.

14 июля. Пройдет несколько дней — и наступит национальный праздник Франции. И тоже юбилейный: минуло 210 лет с тех пор, как восставшие парижане захватили крепость Бастилию, и вскоре французская монархия пала.

20 июля. Тогдашние французские короли были людьми жестокими и самовлюбленными. Они совсем не думали о простых людях. Так что после революции французы могли воскликнуть: «Благословен день, месяц, лето, час...» — слова великого итальянского поэта Франческо Петрарки, пусть и сказанные по другому поводу. А мы 20 июля можем отметить 695-летие со дня его рождения.

23 июля. Как это ни покажется странным, в царской России гораздо больше, чем в королевской Франции, заботились о народе. Тому примером хотя бы Указ, которому исполняется 240 лет — он был опубликован 23 июля 1759 года и приписывал бесплатно отпускать из казенных аптек лекарства «для бедных родильниц и новорожденных младенцев».

24 июля. Но людям все равно жилось непросто. Об этом написано множество книг, создано немало произведений в других жанрах искусства. Каждый может сходить в Русский музей и посмотреть там на полотна «Бурлаки на Волге» или «Проводы новобранца»... Они принадлежат кисти Ильи Ефимовича Репина, родившегося в 1844 году, 155 лет тому назад.

28 июля. Там же, в Русском музее, хранится удостоенная большой золотой медали Академии художеств репинская картина «Воскрешение дочери Иаира», написанная на евангельский сюжет. А христианство на Руси приняли в X веке при великом князе Владимире Святославовиче, Владимире Красное-Солнышко, день памяти которого будет отмечаться 28 июля. «На Владимира, — говорилось в народе, — и солнце краснее светит, чем во всякую другую погоду».

Желаем вам отличной погоды в любой из июльских дней!

Рис. Н. Якубовской

Рис. на обложке Денежковой Маши, 5 лет.
Студия «Олимп», Санкт-Петербург

Ежемесячный журнал
для школьников
«КОСТЕР»
ИЮНЬ, 1999

Издается с июля 1936 года
Учредители: ТОО «Журнал "Костер"»,
Совет СПО-ФДО, Совет ФДО
«Юная Россия»,
СДО С.-Петербурга и области
© «Костер», 1999.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакция: Н. Ю. ЖУЛАНОВА, Л. М. МОСКОВСКИЙ, Е. М. ПОЖИДАЕВА, М. В. ТАХИСТОВА, Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ (зам. главного редактора).

Адрес редакции: 193024, Санкт-Петербург,
ул. Мытнинская, 1/20. Телефон: 274-15-72.

Сдано в набор 02.06.99 г. Подписано в печать 11.06.99 г.
Формат 60x90^{1/8}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4. Усл.
кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 5.8. Тираж 8000. Заказ № 9650.
ОАО «Иван Федоров». 191119, Санкт-Петербург, ул.
Звенигородская, 11.

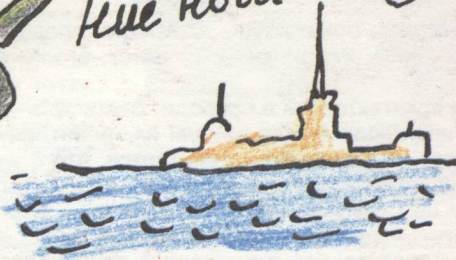
Рукописи не рецензируются и не возвращаются, а решения по ним сообщаются.

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати. Рег. № 012647.

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ



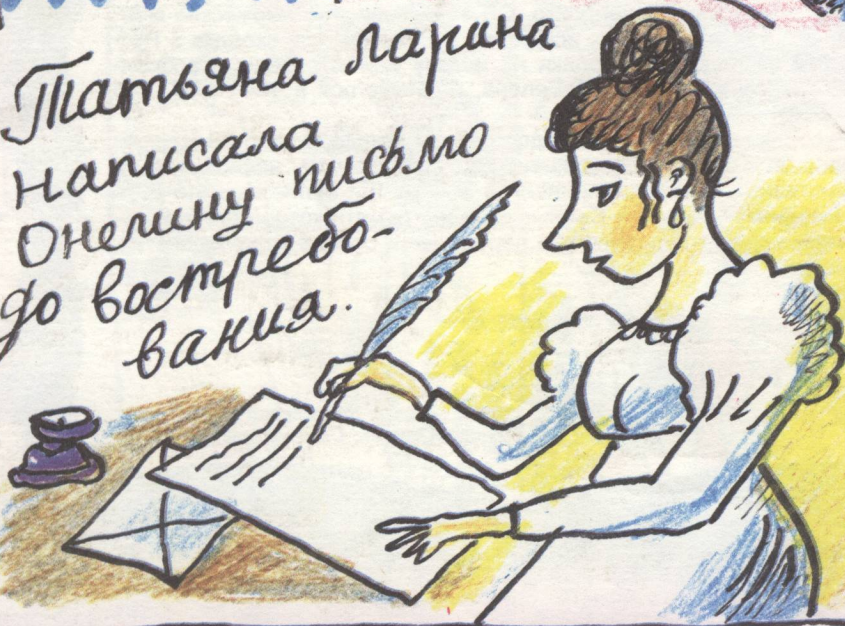
Медный всадник
сидел на коне,
подняв перед-
ние ноги



Арина Родионовна
читала маленько-
му Саше перед сном
"Сказки" Пушкина



Татьяна Ларина
написала
Онегину письмо
до востребованья.



— Почему Дубровский не под-
жег усадьбу Троекурова?
— Он, наверное, спички
забыл!



— Какими чертами характера
обладал Кирила Петрович Трое-
куров?
— Он был строптивый и
любил всякие приколы.



— Кто предсказал князю
Олегу, что он умрет от своего
коня?
— Местный экстрасенс.



— Как начинается сказка Пуш-
кина «О рыбаке и рыбке»?
— «Жил старик со своею ста-
рой у самого Черного моря»...



— Какое произведение мы
изучали на прошлом уроке?
— «Песнь о вещем Онегине»!

